

НОВАЯ ФАНТАСТИКА • ВОЗВЫШЕНИЕ

ИВАН ОЧЕНКОВ АНТОН ПЕРУНОВ

ТЦИМОТ

ВОЗДУШНЫЕ ФРЕГАТЫ

#Попаданец #Боярь-Аниме #Дизельпанк
#Летающие корабли #Магия и приключения

Новая фантастика. Возвышение

Антон Перунов

Воздушные фрегаты. Пилот

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6

Перунов А.

Воздушные фрегаты. Пилот / А. Перунов — «Издательство АСТ», 2023 — (Новая фантастика. Возвышение)

ISBN 978-5-17-156238-0

На восточных рубежах Российской империи в небе и на земле полыхает жестокая война с рвущейся к господству Японией. Гремят тяжелые залпы главных калибров бронированных воздушных флотов. Корея в огне, ее столица — Сеул — в кольце осады. Март Колычев — молодой дворянин древнего рода и обладатель могучего магического Дара — как никогда близок к своей цели — стать пилотом воздушного корабля. Впереди кровопролитные сражения и яростные поединки. Но лихой экипаж рейдер-корвета «Буран» готов вновь испытать свою удачу.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-156238-0

© Перунов А., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	52
-----------------------------------	----

Иван Валерьевич Оченков

Антон Юрьевич Перунов

Воздушные фрегаты

Пилот

* * *

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону.

© Иван Оченков, 2023

© Антон Перунов, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Темные, почти черные волны моря расступились, и из них гуськом, один за другим, на мягкий песок выступили чьи-то неясные тени. Оружия у них не было видно, но от самих фигур веяло даже не просто опасностью, а каким-то первобытным злом. Окружив сидящих на берегу ничего не подозревающих подростков, незнакомцы явно собирались напасть, но в этот момент на пляже появилась девушка в длинном белом платье. Беспечно напевая, она шла вдоль берега, и прибой ласкал ее босые ступни. Завидев красавицу, темные фигуры как-то съежились и поспешили исчезнуть в тени. Повинуясь внезапному импульсу, Март захотел подойти к прекрасной незнакомке и хорошенько рассмотреть ее лицо, но...

– Доброе утро, Порт-Артур! – раздался из динамика мелодичный женский голос. – Вас приветствует радио Желтороссии.

Сон. Опять этот проклятый сон, мучивший Колычева несколько последних ночей. Детали всегда были разными, но суть одна. Опасность, исходящая из моря. Избавляющая от нее красивая молодая женщина... И внезапное пробуждение...

– Витька, вставай! – мрачно позвал Март, с отвращением глядя на сладко спавшего приятеля.

– В такую рань? – возмутился приятель, с трудом приоткрыв один глаз, отчего он стал еще более раскосым.

– Поднимайся, у нас много дел!

– Ну капельку, ну еще немножечко...

– Сейчас придет Зимин и устроит нам очередную пробежку!

– Можно подумать, он так ее не устроит! – пробурчал окончательно сдавшийся Ким и с видом великомученика поднялся с кровати.

Просторные комнаты, в которых они с недавних пор жили, занимали весь южный фасад второго этажа. Коттедж Зимина стоял на склоне одной из сопок, окружающих бухту Виктории, на территории своеобразного дачного поселка, расположенного достаточно близко от Дальнего и Талиенвана, но вместе с тем не настолько, чтобы неизбежная портовая суэта утомляла его обитателей, большинство из которых принадлежало к сливкам местного общества.

Дома и особняки вольготно расположились вдоль берега залива, обеспечивая своим хозяевам должный комфорт и вместе с тем уединение, что в довольно населенном Кван-

туне было редкостью. Широкие песчаные белоснежные пляжи, прозрачно-бирюзовые, теплые волны моря в обрамлении изломанных черных скал и округлых густо-зеленых прибрежных холмов.

Недвижимость эту знаменитый рейдер приобрел несколько лет назад, но появлялся здесь нечасто, используя свою загородную «дачу» для отдыха в редкие дни между вылетами и рейсами. Настоящим домом капитана, конечно же, оставался корабль.

Огромные арочные, во всю стену, французские окна смотрели на море. За прозрачной стеной в частом переплете рам находился широкий балкон, служивший одновременно крышей просторной террасы, укрытой от жаркого солнца густыми зарослями амурского винограда и китайского лимонника.

Поднимаешь голову от подушки и сразу видишь полную утренней суеты бухту, охваченную полукольцом гор, прикрытую от буйства стихии длинным молом. Рыбачьи лодки, выходящие на промысел или уже везущие свежий улов, прогулочные катера и яхты, первые отдыхающие на берегу. Дальше, до самого горизонта, расстиралось синим простором Японское море. В белых барабашках мерно накатывающих длинных волн, светлой ряби солнечных отражений вперемешку с тенями редких облаков.

Война почти не ощущалась в окрестностях этого совсем молодого, выстроенного строго по плану города, ставшего не так давно официальной столицей Желтороссии (огромного генерал-губернаторства, включающего в себя протектораты: Маньчжурию, Монголию, королевство Корея и Ляодунский полуостров, ставший прямым владением империи). На его широких асфальтированных проспектах и огромной, круглой центральной площади перемещались в привычной суете и делах многочисленные жители. Разве что иногда встречались вооруженные патрули, да по ночам запрещали зажигать огни в домах и увеселительных заведениях, чему немало огорчались brave летчики Третьего флота, а также многочисленные штабные и всякого рода поставщики и дельцы, потянувшиеся в действующую армию со всех сторон.

А вот Зимина они в последнее время видели нечасто. Отставной капитан днями и ночами мотался между штабом флота, ангарами воздушных верфей, авиамастерскими и различными тыловыми структурами, пытаясь добиться скорейшей поставки двигателей и прочих обещанных и прописанных в документе, завизированном командующим флотом, запчастей, систем и устройств, необходимых для модернизации и ремонта «Бурана».

Риск тут был. Ведь шустрые чиновники могли запросто растолкать поступающие прямиком с заводов агрегаты по другим кораблям, вынуждая нетерпеливого Зимина ждать. Мол, были да кончились. И доказывать их неправоту было все равно бесполезно.

Куда проще – словно тигр, укрывшийся в густых зарослях, зорко следить за всем происходящим и в нужный момент броситься вперед, цепко ухватив могучей когтистой лапой трепещущую добычу. А потом, торжествуя, унести ее, крепко держа в сомкнутой клыкастой пасти.

Увы, у прямого и едкого на язык, да к тому же еще и удачливого рейдера оказалось слишком много недоброжелателей, чтобы быстро решать эти вопросы. Не помогало даже заступничество друзей с большими погонами, и грозные резолюции «выдать из резерва» или «изыскать возможность» почти неизменно тонули в бюрократическом болоте. Владимир Васильевич ото всех этих мытарств мрачнел и злился, но пока что находил силы сдержаться и никого не убить.

И все же успехи были ощутимы. Главной победой должны стать прибывающие в ближайший понедельник двигатели. И это уже точно. Остальной ремонт к исходу седьмой недели в целом завершился.

Потому в этот день он вышел к завтраку практически в благодушном настроении и приветливо поздоровался с юношами:

- Доброе утро, молодые люди.
- Доброе утро.
- Ну что, отдохнули? Готовы к новым подвигам и свершениям?

– Так точно, господин капитан второго ранга. Что до новых подвигов, то тут смотря чего и как, – еле заметно улыбнулся Март. – Если к боевым или к полетам, даже космическим, то всегда готовы. А насчет экзаменов я не так уверен. Надо еще хорошенько потрудиться и подготовиться.

– Все дела потом. Сейчас будем просто пить чай.

Слуга принес самовар и заварник с иглами отменного китайского белого Байхао Иньчжэнь – серебряных игл, который, как уже успели убедиться друзья, капитан предпочитал всем остальным напиткам. К столу более ничего не подавали. Это же не завтрак. Задача была иной. Насладиться за полторы минуты пятью-семью маленькими чашечками изысканного напитка из еще не раскрывшихся чайных почек.

Зимин, молча и сосредоточенно, с поистине сибирской основательностью занялся священнодействием. Сначала он просто залил крутым кипятком туго скатанные иголки. И тут же разлил напиток по чашкам, предлагая Вите и Марту опробовать первую волну. Стол окутали ароматы жасмина, горных цветов и меда.

Мартов и в прежней жизни был знаком с этой церемонией, но все равно наблюдал за происходящим с интересом. Пить следовало вкусно, но быстро. Открылся кран самовара и снова на светлые, молодые почки потекла горячая вода. И снова пошел по чашкам.

Пять-семь секунд, и Владимир Васильевич с видом умудренного столетиями даосского отшельника-алхимика, обретшего эликсир бессмертия, еще раз наполнил едва отмеченной бледным, можно сказать, белым золотом эссенцией маленькие кружки. В заварнике остались лишь распавшиеся сухие тонкие листочки. Не теряя драгоценного времени, Зимин точными, размеренными движениями продолжил волшебный и такой быстротечный ритуал. На все про все – полторы-две минуты. Ровно столько длится прыжок с парашютом с восьмисот метров.

Когда чай прошел по последнему, седьмому, кругу, исчерпав свой потенциал, капитан, донельзя довольный тем, что на этот раз церемония достигла своего благополучного и счастливого финала, как ни в чем не бывало продолжил беседу.

Негромко тренькнул звонок. Слуга вскоре вернулся, держа на небольшом подносе запечатанный бланк телеграммы. Капитан развернул бумагу, быстро пробежал текст глазами. Посмотрел на друзей и неожиданно заговорщицки подмигнул, улыбнувшись.

– Интересные новости. Сам господин генерал оказал высокую честь. Пишет, скоро будет к нам с визитом. Подробности при встрече. Темнит что-то...

– А кто этот важный господин?

– Мой старший брат. Зимин Василий Васильевич, генерал, кавалер и наказной атаман Забайкальского казачьего войска. Скоро сами с ним познакомитесь.

– Кхм... – подавился булочкой Ким, силой своего яркого воображения представивший общение с большим начальством.

– Будь здоров, Виктор, – машинально пожелал ему хозяин дома, откладывая в сторону корреспонденцию. – Надеюсь, вы не забудете про пробежку? Сегодня я занят и, к сожалению, не смогу составить вам компанию.

– Благодарствую, – отозвался молодой человек, но тот его уже не слушал.

Резко, одним движением поднявшись, он едва заметно кивнул друзьям и направился к себе в кабинет. Вскочившие вслед за ним молодые люди отправились переодеваться. Пробежка была их утренним ритуалом. Зимин считал, что бег по утрам помогает упорядочить мысли и как следует разогнать кровь по жилам, а потому безжалостно выгонял своих подопечных на улицу, невзирая при этом на погоду и самочувствие.

Однако в последнее время капитан был так сильно занят, что на посыпанную песком дорожку они в очередной раз вышли только вдвоем.

– Может, ограничимся одним кругом? – на всякий случай спросил Ким.

– Чтобы наверстать вечером? – скептически хмыкнул Март, завязывая шнурок на спортивных туфлях, весьма мало напоминавших кроссовки из его прошлой жизни. – Уволь, у меня есть планы на сегодня.

– Куда ты опять собрался? – подозрительно спросил Витька.

– Наша летно-одаренная группа устраивает вечеринку. Кстати, ты пойдешь?

– Нет, – мрачно буркнул в ответ приятель. – Дел много. Накопилось за неделю. Хочу успеть сегодня разгрести.

– Может, хватит уже дуться?

– Ничего я не дуюсь!

– Ладно, как знаешь. Но, вообще, зря. Будет весело. И к слову, после недавних событий ты довольно популярная личность. Девушки будут разочарованы.

Чтобы не отвечать на столь заманчивое предложение, насупленный Ким побежал, стараясь при этом не сбить дыхание, а следом за ним припустил Март, не оставлявший попыток уговорить товарища.

Надо сказать, что тот не просто капризничал. Дело в том, что в Техническом училище, где осваивал столь полюбившуюся ему профессию оружейника Виктор, учились дети простых матросов и унтеров флота, а также местные ребята, в основном китайцы или такие же, как и Ким, метисы от смешанных браков. Появление вдобавок к ним еще и полукорейца было принято к сведению и в целом осталось не замеченным.

Зато вот в Летной школе, куда поступил Март, ситуация оказалась иной. Среди абитуриентов ее хватало отпрысков офицеров флота, по каким-то причинам не имеющих возможности поступить в Морской корпус или Юнкерское училище, учились там и несколько представителей маньчжурских аристократических семей, принадлежащих к сильнейшему из местных кланов-корпораций – императорскому Айсинь Гьоро. Последние сразу по нескольким причинам и вовсе смотрели на остальных свысока. А корейцев, как выяснилось, просто за людей не считали.

И вот в один прекрасный день, когда Витька по какой-то своей надобности забежал в поисках приятеля в находящееся рядом со школой кафе, он наткнулся на группу курсантов, общавшихся с девицами нетяжелого поведения, постоянно трущимися возле потенциальных клиентов.

– Вы только посмотрите на эту обезьяну! – презрительно прокомментировал его появление Пужэнь – молодой парень с наглым выражением на лице. – Судя по всему, он не знает, что здесь не подают бананы!

Окружавшие его девицы и прихлебатели с готовностью захихикали. Скажи Пужэнь все это по-маньчжурски, Ким его бы не понял, но слова были произнесены на довольно четком русском, пусть и с несколько смешным акцентом...

– А что здесь подают, татарскую¹ конину? – мгновенно отреагировал Витька.

– Что ты сказал? – изумился непривыкший к подобным ответам княжич.

– Или, может быть, монгольский кумыс?

– Да я тебя, – вскинулся далекий потомок завоевателей и кинулся в драку.

Однако, как ни малы были способности Кима, дар помог ему предвидеть атаки своего противника, и, когда в кафе появился Март, его приятель ухитрился отмахиваться от двух дружков Пужэня, в то время как сам маньчжурский аристократ сидел на полу, зажимая нос, из которого ручьями лилась кровавая юшка.

– Какого черта тут происходит? – оторопело поинтересовался он, но никто не обратил на его слова ни малейшего внимания.

¹ Татары – презрительная кличка маньчжур.

В общем, ему пришлось проявить традиционный русский пацифизм и решительно остановить драку. В смысле встать между дерущимися и бить в лоб всякому, кто не сумел вовремя оценить масштаб его миротворческого порыва. Получалось это у него легко, будто играючи. Так что даже впавшие в боевой раж противники это быстро уяснили, после чего сбавили обороты и перешли к переговорам.

– Как ты смеешь заступаться за эту корейскую дубину? – завопил оскорбленный в лучших чувствах курсант.

– Извольте ли видеть, господин Айсиньгьоро, – хладнокровно отвечал ему Март, – эта «корейская дубина» – мой друг. К тому же он, как и мы с вами, одаренный. Поэтому рекомендовал бы вам и вашим друзьям попридержаться языки и руки!

Конфликты с мордобоем случались в их учебном заведении и прежде. Беда была лишь в том, что произошло все в публичном месте, вследствие чего история вышла наружу. Но когда началось расследование, все больше привыкавший к своей новой фамилии Колычев повернул дело так, будто оно касалось только Пужэня и его самого, а Ким и друзья маньчжура были только свидетелями.

– Известно ли вам, что курсант Айсиньгьоро вправе потребовать у вас удовлетворения? – поинтересовался проводивший дознание старший преподаватель летной школы капитан-лейтенант в отставке Сергей Феоктилатович Мигунов.

– Так точно, ваше благородие!

– И что вы намерены предпринять в случае, если вызов воспоследует? – высоко поднял бровь отставник. – Вы, верно, не осведомлены, что маньчжурские аристократы до сих пор основательно изучают фехтование. Местное, разумеется, но все же. Так что на пистолеты можете не рассчитывать.

– Не извольте беспокоиться, – остался бесстрастным Март. – Я справлюсь.

Однако догадывавшийся о способностях нового курсанта Пужэнь не решился воспользоваться своим правом, и конфликт окончился ничем. Это обстоятельство весьма негативно сказалось на репутации княжича. Школьные остроловы не придумали ничего лучше, как пустить шуточку «Пужэнь испужен». Зато рейтинг Колычева и Кима среди тех, кто недолюбливал безмерно заносчивого маньчжура, поднялся на недостижимую высоту.

Но вот с Витькой они впервые в жизни чуть не поссорились. Сначала тот возмутился, что друг его выгораживает. Кроме того, многие ученики летной школы, бывшие, по понятиям выпускника приюта, мажорами, относились к Киму с плохо скрываемым пренебрежением, а Март продолжал с ними общаться. В общем, приятель надулся, замкнулся, почти перестав общаться, и еще больше погрузился в мир стреляющих железок и учебу.

Целыми днями он пропадал в мастерской, а вечерами корпел над учебниками и наставлениями. Часто он засиживался глубоко за полночь, оставляя для сна два-три часа и компенсируя потери энергии с помощью недавно обретенных способностей. Дома Виктор только завтракал и ужинал. Быстро перехватив еду, убегал, буркнув невнятное «до свиданья».

Постепенно в комнате прибавлялось разного железа, захватанных машинным маслом журналов и книг. Вскоре к ним стали добавляться инструменты. Это наполнило недавно такие светлые и полные морского, йодистого аромата апартаменты запахами механической мастерской, что никак не могло понравиться соседу. Впрочем, до поры до времени он терпел.

Вскоре ко всему этому бедламу прибавилась неизвестно откуда добытая, пошарпанная семиструнная гитара. Ким, оказавшийся счастливым обладателем абсолютного слуха, принялся самозабвенно и, что уж там, следует признать честно – довольно мелодично, но очень неумело брэнчать. Делал он это уже и в последние часы, теоретически оставленные для сна. Это добавило Колычеву «позитива».

Март поначалу и сам часто до глубокой ночи занимался при свете лампы, но потом втянулся, освоил новые, очень удачно и своевременно подсказанные Зиминим методы отработки

текстов. И, как по волшебству, времени на сон, отдых и развлечения стало заметно больше. Он и сам не заметил, как стал стараться появляться дома как можно позднее, в идеале, когда неугомонный побратим таки отрубится. Витька то и дело бросал на друга извиняющиеся взгляды, но упорно продолжал свое.

Впрочем, как бы ни были натянуты их отношения, на занятия они всегда добирались вместе. Все дело было в некоторой отсталости общественного транспорта. Пригородные поезда, которые за отсутствием развитой электрической тяги никто и не думал называть электричками, выходили слишком рано, чтобы доставлять рабочих на предприятия или в порт. Трамваи передвигались только по центру Порт-Артура или Дальнего.

А немногочисленные автобусы не заходили в их дачный поселок, где большинство богатых обитателей имели собственные автомобили. Поначалу их подвозил Зимин на своем «паккарде», но это было не слишком удобно.

Выходом стала покупка мотоцикла. Водить их по законам империи разрешалось с шестнадцати лет, и Март без труда смог сдать не слишком сложный для жителя двадцать первого века экзамен. Стоил двухколесный конь недорого, и вскоре юный Колычев стал счастливым обладателем байка. Выбирал из нескольких моделей. Недорогой японец «Асахи АА» Марта не впечатлил. В его конструкции ничто не говорило о будущем технологическом величии Страны восходящего солнца, а пять «лошадей» в моторе откровенно навевали тоску. К тому же у этого образца имелось только одно седло. И куда прикажете сажать Кима? По этой же причине были отвергнуты и образцы российского мотопрома. Версии с коляской были отвергнуты за чрезмерные габариты и общую неповоротливость.

В итоге он остановил выбор на серебристо-черном британце – «Нортоне 16Эйч», как раз за второе подпружиненное сиденье на заднем крыле и еще добавочный небольшой решетчатый багажник. Не сказать, что этот аппарат был пределом его мечтаний, тем не менее на нем можно было довольно быстро и сравнительно комфортно передвигаться.

– Так я за тобой заеду? – улыбаясь, спросил Март, высаживая приятеля возле училища.

– Не надо, – вздохнул Витька, понимая, что так просто его друг не отстанет, – я сам приду.

– Точно?

– Заочно! – огрызнулся Ким, вызвав приступ хохота у приятеля, после чего тот как следует газанул и эффектно растворился в клубах сизого дыма.

Автомобильная стоянка перед летной школой никогда не бывала заполнена до конца. Отпрысков богатых семейств привозили лимузины их родителей и тут же разворачивались назад. Прочие приезжали на автобусе. То же касалось и преподавателей, по большей части отставных офицеров ВВФ. Поэтому Март смело припарковал своего железного коня рядом с «кадиллаком» начальника и, легкомысленно насвистывая, отправился «грызть гранит науки».

Учеба давалась ему легко. Все-таки он был настоящим авиаинженером из будущего, а потому с теорией проблем не могло возникнуть по определению. Что касается практики, то до самостоятельного управления его еще не допускали, но на тренажерах и с инструктором он показывал весьма недурной уровень пилотажа.

Немного сложнее стало, когда начальник авиашколы – мрачный капитан корпуса штурманов в отставке, со шрамом во все лицо, по фамилии Алексеев – узнал, что его новый подопечный щедро одарен силой. Как оказалось, способности тоже можно и нужно тренировать, и тогда пилот сможет обойтись без гирокомпаса, высотомера, кренометра и даже без радара. Вот тут его прежние знания никак не могли помочь, и наставники, прежде всего сам Алексеев, гоняли его в хвост и в гриву до полного изнеможения.

– С вашей фамилией, молодой человек, стыдно быть дурным пилотом или штурманом, – не раз заявлял он своему ученику, пока наконец не добился успеха.

Кстати, успех в незнакомых дисциплинах всегда давался Марту одинаково. Сначала он усиленно пытался разобраться, зубрил формулы, старался вникнуть в суть, а затем, когда, каза-

лось, что этой премудрости никогда не одолеть, в голове как будто шелкал тумблер, и все становилось ясно и понятно, как будто он изучал эту науку всю прежнюю жизнь.

Зато после занятий можно было расслабиться, и Колычев всю пользовался внезапно свалившейся на него молодостью и финансовой независимостью. Ходил с друзьями и подружками в кино и на танцы, катал девушек на мотоцикле, угощал их мороженым и прочими сладостями. Ким тоже поначалу во всем этом веселье участвовал, но потом как-то охладел и отошел в сторону, полностью сосредоточившись на учебе.

Маленькие радости жизни не мешали много и активно учиться, не тратя время напрасну. Как только он понял, что с учебой в авиашколе «процесс пошел», сразу появились новые темы.

Занятия энергобоем и кум-до, тренировки на полигоне дядьки Игната вместе с десантурой, изучение энергоструктур, а когда Кима запрягли учиться стрельбе из артиллерийских орудий разных калибров, то и здесь Март «вписался в тему», став ходить туда вместе с другом, руководствуясь принципом – много знаний не бывает, особенно если они могут пригодиться.

Потом ко всему присоединились учебные полеты на боте с Зиминным. Вспомнив историю с Горынычем, еще одной обязательной темой он определил для себя освоение магомедицины. Хотя бы на уровне первой помощи в полевых условиях. Для этого он уговорил одного недавнего знакомого – целителя-ассистента местного гуру – профессора и крупнейшего специалиста по регенерации и восстановлению поврежденных органов обучать его базовым навыкам лечения с помощью дара.

Так что по своим понятиям он мажором не стал. Просто некогда было. Но надо понимать, что «утка по-пекински» с парой бутылок фруктового пива стоила в местных ресторанчиках русский рубль или почти десять тысяч юаней. А большинство местных китайцев, кроме тех, кто работал в ремонтных мастерских флота, зарабатывали не более сотни юаней в день и содержали на эти деньги свои семьи. В общем, по здешним меркам он был если не богат, то довольно состоятелен, а потому пользовался успехом у прекрасного пола, тем более что нравы вокруг царили весьма свободные.

Вот и сегодня вечером они собрались с друзьями на квартире у одного из однокашников – улыбчивого коротышки Федьки Розанова. Благо родители молодого человека имели неосмотрительность находиться в отлучке.

Большинство собравшихся были учениками летной школы, но по форме пришел только Март. Остальные успели забежать домой и переодеться. Украсившие их веселое мероприятие своим присутствием барышни – гимназистки старших классов – тоже сменили свои строгие платья с передниками на легкие платьица с пышными юбками и туфельки. Правда, пока они еще не успели раскрепоститься и чинно сидели в уголке, время от времени стреляя глазками и хихикая в затынутые муслином перчаток кулачки.

Быстро сдвинув в сторону стол с немудрящим угощением, игравший роль радушного хозяина Федя открыл крышку стоящего на высокой тумбе патефона и начал задумчиво перебирать пластинки.

– С каких начать, с медленных или быстрых? – задумался он.

– Начни с линди-хоп², – с усмешкой посоветовал ему Март, – а там, глядишь, и до танго подойдет время.

– Легко тебе говорить, ты один умеешь танцевать танго.

– Тогда фокстрот.

– Федька, – страдальчески прошептал успевший хлебнуть лишнего худой, с длинными мосластыми конечностями, весь нескладный, как кузнечик, Макс Черкасов, – зачем ты позвал этих недотрог из гимназии. Все равно не дадут!

² *Линди-хоп* – популярный в 1930-1940-е годы танец с элементами акробатики.

– Будешь так накидываться, тебе и девчонки из Старого города³ не дадут.

– Да ну вас, – обиженно отозвался одноклассник и снова двинулся к заветной тумбочке, скрывавшей в своих недрах початую бутылку шустровского коньяка.

Наконец Федя смог определиться, и из-под иглы патефона полились энергичные пере-
ливы трубы Луи Армстронга, а затем чей-то бархатистый голос запел «вест энд блюз».

– Я слышала, ты хорошо танцуешь? – решительно подошла к Марту одна из девушек и требовательно посмотрела на него.

Невысокого роста брюнетка, с хорошей фигуркой, в светло-кремовом платье с откры-
тыми руками и пышной юбкой. На маленьких ступнях красовались изящные туфельки. Немного раскосые глаза говорили об изрядной доле китайской крови, а основательный носик намекал, что русской – никак не менее.

– Так говорят, – дипломатично ответил ей Колычев.

– Покажешь?

– Я хотел дождаться друга, – попытался уклониться молодой человек, но не тут-то было.

– Того самого, что навалил Пужэню? Не думаю, что с таким храбрым парнем что-то может случиться!

– Эй, Федя, – обернулась она к хозяину. – Поставь что-нибудь более энергичное, а то ведь тоска зеленая!

– Это, Наденька, – наставительно ответил ей Розанов, – очень известный негритянский трубач Луи...

– Тогда понятно, – перебила она его. – Жизнь у негров не сахар. Но ты все-таки поставь что-нибудь повеселее.

– Как скажете, мадемуазель, – не стал спорить курсант.

Танцевала она просто здорово, черт знает что выкамаривая своими крепкими ножками и вертясь вокруг партнера как юла. Март старался не отставать, то выполняя поддержки, то подкидывая расхаживающую девушку. Никто из присутствующих так и не решился присоеди-
ниться к ним, во все глаза глядя на странную парочку. Впрочем, скоро музыка закончилась, да и они запыхались.

– Ох, не могу. Дайте что-нибудь попить! – взмолилась барышня.

– Сок, лимонад? – грустно глядя на нее, спросил Черкасов.

– Я вам что – маленькая?

– Водка, коньяк?

– Помилуйте, господа, – поспешил вмешаться Март, отодвигая плечом незадачливого бармена. – Как можно даме предлагать водку. Только спирт!

– Что! – возмутилась Надя. – Ты за кого меня принимаешь?

– Подожди, – усмехнулся тот, отбирая бутылку у товарища. – Что тут у нас? Водка, ром, джин, вермут – нормально, сойдет за биттер, сок, содовая, лаймы и мята – одобряю подборку... Федя, а лед найдется?

– На кухне... а зачем?

– Тащи. И нож для колки не забудь.

Не то чтобы в прошлой жизни Март часто делал коктейли, но пару рецептов знал и скоро смешал в большом серебряном кувшине еще незнакомый местной публике состав. Разлив его по бокалам, он предложил получившийся напиток всем присутствующим, но прежде всего Наде.

– Вкусно, – оценила она напиток. – Ты где так научился?

– Танцевать или делать напитки?

– Напитки.

³ Старый город – китайский квартал Порт-Артура. Славился обилием увеселительных заведений.

- Тс-с! Я лейб-повар его величества.
- Вот балабол! – рассмеялась барышня. – А сам что не пьешь?
- Я на мотоцикле.
- И что? Коктейль ведь совсем слабенький, ой... что это со мной?

После авторской версии мохито вечеринка сразу пошла веселее. Раскрасневшиеся гимнастки уже не жались в сторонке, а охотно танцевали, может быть, не так умело, как Надежда, но с не меньшим энтузиазмом. Юноши восприняли эту перемену с восторгом и активно их в этом поддерживали. И даже Черкасов с видом умудренного жизнью алкоголика изрек что-то вроде: «Оказывается, в некоторых случаях смешивать не только можно, но и должно!»

– Слушай, а прокати меня на мотоцикле? – вдруг попросила Марта партнерша. – Всю жизнь хочу попробовать!

Глаза ее в наступающих сумерках сияли так ярко и так призывно, что отказать не было никакой возможности, и Колычев, подмигнув ей, с заговорщицким видом шепнул:

– Пошли!

Аккуратно выскользнув из квартиры, они спустились по лестнице во двор к отдыхавшему в его тиши железному коню. Слава богу, кик-стартер не подвел, и двухтактный мотор бодро затарахтел. Вскочив в седло, Март сделал новой подружке знак, мол, садись, и она тут же устроилась сзади, крепко обхватив его руками и прижавшись упругой грудью к спине.

Повинуясь скупому движению кисти, двухколесный друг послушно взревел и под неодобрительными взглядами соседей понес своих седоков сначала по двору, потом выскочил в ворота и полетел по улице, распугивая собак. Впрочем, долго они не проехали, ибо за ближайшим поворотом чуть не врезались в стоящий поперек дороги лимузин, а когда Март попытался объехать его, увидел, что какие-то люди прижали к стене отчаянно отбивавшегося от них юношу.

«Блин, это же Ким!» – мелькнула у него в голове мысль, и он снова выкрутил ручку газа. Ссаживать пассажирку времени не было, поэтому он просто крикнул ей: «Держись!» – и, не разбирая дороги, понесся на злоумышленников.

Нападавшие явно не ожидали подобной подлости от судьбы и едва успели порскнуть в разные стороны. Правда, одному из них не повезло, и железный конь все-таки сбил его своим корпусом, заставив покатиться по щербатой мостовой, крича от боли и ярости.

– Витька, прыгай! – закричал замершему приятелю Март, сдвигаясь максимально вперед и прижавшись грудью к бензобаку.

Места на байке не так много, но сейчас им было не до удобства. Не теряя ни секунды, Ким вскочил в седло позади Надежды, и они втроем умчались прочь под надсадный треск двигателя и проклятия бандитов. Их, конечно, попытались преследовать, но, пока смогли развернуть громоздкий автомобиль, от шустрого двухколесного агрегата простыл и след. И только густые клубы дыма указывали на то, что мотоцикл только что был тут.

Оставаться в Дальнем смысла не было, и Колычев повез их за город в коттедж Зимина, справедливо полагая, что там в любом случае будет безопасно. Примерно через десять минут бешеной гонки они достигли поселка и, попетляв немного по горным дорожкам, остановились перед домом.

- Все, приехали! – сказал он своим седокам и в изнеможении вытер пот со лба.
- Что здесь происходит? – удивленно поинтересовался вышедший на шум Зимин.
- Э, понимаете, – начал было объяснять Март, но потом прикинул, как это все выглядит со стороны, и махнул рукой. – В общем, это не то, что вы думаете!

– Не сомневаюсь! – бесстрастно отозвался капитан, разглядывая присевшего на дорожку Кима с изрядным кровоподтеком под глазом, растерянно хлопавшую глазами девушку и красного как рак воспитанника.

– Господи, видели бы вы себя со стороны! – не выдержал он и так заразительно расхохотался, что через минуту к нему присоединились остальные.

– Простите, господин Зимин, – первой пришла в себя барышня. – Просто на Виктора напали, и нам пришлось спешно уезжать.

– Мы знакомы? – согнал с лица улыбку приватир.

– Вы бывали у нас в доме. Я дочь господина Ли.

– Надежда?!

– У вас отличная память, Владимир Васильевич.

– А вы, по всей видимости, катались?

– Да, – потупила взор девушка.

– И кто же, позвольте осведомиться, был нападавшим?

– Я их толком не разглядел, – пожал плечами Март и вопросительно посмотрел на Витьку.

– Да мне тоже особо некогда было, – мрачно отозвался тот.

– Я знаю этих людей, – призналась Надя. – Точнее, их машину. Она принадлежит отцу Пужэня – князю Цзайфэну. Он один из старших в Золотом клане.

– Час от часу не легче, – хмыкнул Зимин. – Молодые люди, вы не хотите мне ничего рассказать?

– Прямо здесь? – вздохнул Март, сообразивший, что серьезного разговора не избежать.

– Нет, конечно, – спохватился капитан. – Давайте зайдём внутрь, выпьем чаю и поговорим. А ваша очаровательная спутница тем временем сможет привести себя в порядок. Туалетная комната у нас там.

Оказавшись в роскошной ванной, Надя с трудом перевела дух и с сомнением посмотрела в огромное зеркало, занимавшее добрую половину стены. Прическа, как и следовало ожидать, растрепалась, платье тоже не на месте. И вообще, она выпивала, танцевала, а потом провела неблизкий путь на трясущемся сиденье, зажата между разгоряченными телами двух парней. Причем этот придурок Ким (так, кажется, его зовут) держался все это время отнюдь не за талию!

Было отчего переволноваться. Но теперь она сможет умыться и вообще... пора думать, как она объяснит дома свое затянувшееся отсутствие.

Когда немного успокоившаяся барышня вышла в гостиную, то застала мирно сидящих за столом молодых людей и их наставника. При ее появлении они тут же поднялись с мест, а галантный Март проводил ее к столу и подвинул стул.

– Не угодно ли чаю? – гостеприимно предложил ей Зимин.

– Если это вас не затруднит, – скромно отвечала она.

– Нисколько, – отозвался хозяин и наполнил чашку ароматным напитком.

– С вашего позволения, – продолжил он, – я взял на себя смелость вызвать для вас такси.

– Благодарю.

Некоторое время все они наслаждались чаем, но потом Витька не выдержал и все-таки допустил бестактность.

– А я одно никак не возьму в толк, – вопросительно посмотрел он на нее. – Как ты поняла, что это автомобиль Цзайфена?

– Он часто бывает по соседству с нами, – поджала губки не желавшая углубляться в подробности девушка.

– И ты сразу его узнала? – недоверчиво прищурился Ким.

– Оставь нашу гостью в покое, – со значением в голосе заметил Зимин.

– А я что, я ничего, – растерянно отозвался молодой человек.

– Ладно, – решительно отодвинула от себя чашку Надя. – Дело в том, что Пужэнь – мой жених!

– Вот как?! – чуть не поперхнулся Март.

– Нас обручили еще в младенчестве.

– Кажется, ты не слишком жалуешь своего суженого? – тонко подметил Март.

– Терпеть его не могу! Именно поэтому я и подошла к тебе. Ты первый на моей памяти, кто не побоялся бросить ему вызов и набить наглецу морду.

– Вообще-то это я ему нос разбил! – пискнул Витька, но его никто не слушал.

– Прошу прощения, юная леди, – поспешил вмешаться Зимин. – Это дела семейные, и мы не имеем никакого права в них вмешиваться. Но вместе с тем мы рады оказать вам гостеприимство. Если желаете, я отменю заказ такси и лично отвезу вас к родителям, чтобы разъяснить имевший место инцидент.

– Благодарю, но в этом нет надобности, – вздохнула девушка. – Отцу весьма мало дела до моей жизни, так что...

– Как угодно! Кажется, такси уже здесь. Позвольте, я вас провожу.

– Может, лучше я, – подскочил Март, но осекся под строгим взглядом опекуна.

– Не может! – четко сказал он не терпящим возражения тоном.

Через минуту он вывел Надежду из дома и церемонно усадил в ожидавший ее выхода автомобиль, после чего сказал шоферу адрес и щедро расплатился, не забыв про чаевые.

– Все сделаю, капитан⁴, – широко улыбнулся ему таксист.

Устроившись на жестком сиденье, Надя чуть не заплакала. Очередная попытка начать новую жизнь с треском провалилась. С романтическим свиданием вышло не слишком хорошо, и даже прощального поцелуя не обломилось. С другой стороны, приключение все-таки было, причем довольно захватывающее. И у него вполне возможно продолжение.

– Все-таки козел ты – Пужень-Испужень, – вздохнула девушка. – Испортил мне такой вечер!

В покинутом ею коттедже тоже было беспокойно. Слишком занятый в последнее время Зимин счел, что его подопечные несколько разболтались и это следует немедленно пресечь.

– Прошу вас немного задержаться, молодые люди, – заметил он тем спокойным тоном, от которого даже у самых бывалых его подчиненных замирало сердце. – Нам есть, что обсудить и при том немедленно.

Ответом ему было красноречивое молчание.

– Виктор, – начал он с наименее важного, – скажи, пожалуйста, для чего ты решил превратить вашу комнату в механическую мастерскую?

– Но я... – замялся Ким.

– Наташил в нее всякой дряни... Если я не ошибаюсь, в нашем доме есть гараж. Изволь завтра же переправить в него все свои «сокровища»!

– Но вы сами запретили мне там появляться...

– После того как ты едва не разобрал мой «паккард»? Верно. И запрет остается в силе. Но, если помнишь, он довольно велик. Половина будет занята автомобилем, а на второй можешь устроиться ты. Там есть верстак и довольно слесарного инструмента, чтобы сотворить хоть «перпетуум-мобиле»⁵, если у тебя возникнет подобная блажь.

– Слушаюсь, – обреченно кивнул Ким.

– И еще, мальчик мой, пока не научишься играть как следует, занимайся музицированием в бане, как и полагается на Руси. Чтобы тебя никому было не слышно. То есть в той самой мастерской. Или в комнате своей, но совсем негромко.

Тон Зимины оставался внешне мягким, но внутри звучала сталь. Это были не просто слова или вопросы. Это был приказ, ослушаться которого было невозможно или равноценно немедленному списанию с корабля.

⁴ *Капитан* – уважительное обращение китайца к русскому вне зависимости от чина последнего (*устар.*).

⁵ *Перпетуум-мобиле* – вечный двигатель.

- Теперь ты, Мартемьян.
- Да, Владимир Васильевич.
- Я понимаю, что ты уже взрослый, и я несколько запоздал с нотациями, но все же позволю дать тебе несколько советов.
- Слушаю вас.
- Держись подальше и от Ли, и от Айсиньгоро.
- С мадемуазель Надеждой я познакомился только нынче вечером, а до Пужэня и его семьи мне и вовсе нет никакого дела.
- Боюсь, если бы не неприятность, случившаяся с твоим другом, вы познакомились бы с юной леди куда ближе. Нет-нет, я не осуждаю тебя. Как говорится, молодо-зелено – погулять велено. Но все же будь аккуратнее. Хорошо?
- Конечно. Но если уж зашел разговор, может, расскажете мне, кто такие Ли?
- Довольно богатые коммерсанты. Поговаривают, что их состояние немногим меньше, чем у самого Тифонтая. Правда, они предпочитают держаться в тени. Ты удовлетворен?
- Боюсь, что не совсем. Купцов в Маньчжурии много... Отчего дочь Ли обручена с отпрыском клана Айсиньгоро?
- Ну, во-первых, семейство Ли с давних пор связано с Золотым домом. Ведут их дела, управляют имениями и так далее. Во-вторых, Пужэнь... как бы тебе это объяснить. В общем, его мать была всего лишь наложницей. Поэтому он не старший наследник и никогда им не будет.
- Но ведь он одаренный?
- По их законам это неважно. Да, он – княжич и со временем займет высокое место в иерархии дома, но высшей власти ему не видать.
- Поэтому он учится здесь?
- Не только. Пужэнь вместе со своим сводным братом-наследником должен был поступить в Пажецкий корпус, но потом случилась какая-то неприятная история, и ему отказали.
- А его брат одарен?
- Насколько мне известно, да.
- Хорошо, но это все не объясняет историю с помолвкой.
- Ничего таинственного. Мать Надежды, как ты, вероятно, уже понял, была русской. Родня будущего мужа была против этого брака, но счастливым влюбленным не было до этого дела. Но Анастасия при родах скончалась, и девочка осталась сиротой. Ее отец снова женился, на этот раз на чистокровной китаянке, а девочка стала...
- Золушкой?
- Скорее, бельмом на глазу. Но Николай ее по-своему любит и, похоже, немного разбаловал.
- Николай – это ее отец?
- Да. После крещения. По-китайски его зовут Лианг Ли.
- Все-таки странно...
- Что именно?
- Двадцатый век на дворе, а тут такие средневековые обычаи. Помолвка детей...
- Понравилась девчонка?
- Ну...
- Придется тебя огорчить. Ты тоже не свободен.
- В каком смысле?
- Не спеши. Тут требуется некоторое поясняющее вступление. Видишь ли, Март, мне не так повезло с женитьбой, как твоему отцу. Офицеру нужна надежная, умная и верная супруга. Я же имел глупость купиться на внешнюю красоту и шик. Пока делал карьеру, все еще шло почти нормально, а когда подал в отставку... Ей, дочери адмирала, неместно быть замужем за

каким-то презренным частником. В ту пору наша братия котиновалась низко. Это сейчас мы вон как развернулись, книги про нас пишут, фильмы снимают, газетчики за нами гоняются, и на радио мы желанные гости. А тогда все только начиналось и было совсем иначе.

Так что потребовала моя благоверная Татьяна Александровна развода. Пришлось пойти ей навстречу. Да и зачем сохранять брак, если взаимности нет? С тех пор желания сочетать себя узами Гименея у меня не возникало. Зато бывшая жена быстро утешилась в объятиях одного ловкого банкира и укатила не абы куда, а в Японию вместе с нашей дочерью! Я поначалу даже думал, чтобы еще больше мне досадить. Но это так, сгоряча. Просто открылись большие возможности делать деньги, вот и вся история.

Это я все к чему? Родители твои были образцом для меня. Мы часто встречались, мне в вашем доме всегда было хорошо и тепло. Такие дела. Вот и ты не спеши. Жена, брат, это очень важно и серьезно. Что же до помолвки, то когда вы были еще совсем детьми, то очень хорошо и дружно играли вместе. Вот мы тогда с Андреем и решили... кхм... Потом случилась эта трагедия, ты пропал... Я и сам дочь уже давно не видел. Одним словом, такие дела...

Друзья молча поднялись на второй этаж. Витька немедленно принялся греметь железом, собирая его для переезда. Колычеву весь этот шум мешал сосредоточиться и хорошенько обдумать новые вводные.

Сначала он вышел на широкий балкон. Наличие некой неведомой невесты, пусть Зимин и обозначил, что помолвка вроде как может уже и не считаться, создавала некоторые неудобства и лишние сложности на перспективу. Вернувшаяся память рисовала образ белоголовой большеглазой шестилетней девочки в светлом платьице, с которой они строили песчаные замки и отчаянно ныряли с камней в море на мелководе. Радовало Марта одно – сам перспективный тесть явно не рвался отстаивать эту тему. К тому же с его слов выходило, что девица живет с матерью и отчимом. А их мнение на сей счет может кардинально отличаться от прежних планов помолвки.

Надышавшись свежим воздухом и придя к выводу, что чему быть, того не миновать, а пока что жизнь продолжается, почти непроизвольно свернул и зашел в соседнюю – пустую комнату. Отстраненно оглядел ее, и в голове тут же сформировалась новая мысль. «А ведь это выход. И чего я мучаюсь? Надо действовать». Но сначала он решил немного пройтись до моря и искупаться. Сгоряча принимать решения не стоило.

Спустя недолгое время вернувшись в дом и пройдя по привычке в их общую с Кимом комнату, Март застал в ней полнейший бедлам. Там и тут валялись различные детали и инструменты. Очевидно, Виктор начал переносить свои «сокровища» в гараж и пока еще не вернулся. Глядя на этот беспорядок, Колычев вдруг подумал, что занимать вдвоем одну комнату, когда в доме довольно места, не слишком разумно. Та, что находится рядом, ничуть не хуже, и они, по крайней мере, больше не будут мешать друг другу.

– А ты где был? – появился в дверном проеме приятель.

– Да так, прогулялся по окрестностям, окунулся пару раз, – пожал плечами Мартемьян.

– А я тут переезжаю, – пояснил будущий механик, ничуть не огорченный тем, что его не позвали. – Поможешь?

– Нет, брат. Я тебе уже говорил, что не следует здесь все захламлять. Так что сам. К тому же я тоже переезжаю.

– В каком смысле?!

– Не пугайся так, в соседнюю комнату. Не хочу мешать твоим занятиям и музицированию.

– Так, значит? – растерялся Ким.

– Ну а что здесь такого? – попытался успокоить приятеля Март, но было поздно, потому что тот уже обиделся.

– Конечно, – забухтел тот. – Негоже таким важным господам в одной комнате со всякими проживать. Ты у нас кто? Колычев. С Романовыми в родстве! А мы так – хренота из-под ногтей. Какие уж мы вам товарищи...

– Вить, ты случайно ночью с кровати не падал? – участливо поинтересовался никак не ожидавший подобного Мартемьян.

Он с позиции своего тридцатилетнего опыта посмотрел на Кима по-новому, отстраненно. И понял, что парень задерган, переутомлен, узкие карие глаза покраснели, волосы давно не стрижены и не мыты – торчат в разные стороны, как у героев какого-нибудь рисованного аниме мультя. Витька словно еще больше похудел и заметно вытянулся. До метра восьмидесяти трех Марта ему, конечно, было еще далеко, но для корейца он был парнем довольно рослым.

Разве что одежда, за которой следила приходящая прислуга, оставалась свежей и то только потому, что Зимин дал распоряжение ежедневно изымать грязное, класть Киму новый комплект и чистить легкие туфли.

– Никуда я не падал, – продолжал бурчать кореец. – И так на самом дне... Понимаешь, я тут на птичьих правах. Вот ты – понятно. И потомок Андрея Кобылы – боярина самого Ивана Калиты и Симеона Гордого. У тебя и дар мощнейший, и энколпион родовой от матери, стало быть, и она не из простых. И деньги. И Зимин – твой дядя. А я? Так – прицепом, словно репей к хвосту лошадиному пристал и еду на халяву...

– Ага. Кобыльему... – постарался отшутиться Март, усиленно размышляя и подыскивая правильные слова.

– Вот-вот. Ты благороден, вежлив, шутишь к месту, сказочных красоток в танцах вертишь, как хочешь. А я? Зачем вообще я нужен? Знаешь, каково это, когда тебе походя говорят, мол, ты никто. Вот я и решил, что надо учиться и быстрее начинать самому зарабатывать. Чтобы себя содержать. Потому и рву жилы на учебе. Хочу сделать свой автомат на конкурс, там премия серьезная полагается.

– И кто же тебе такие глубокие мысли высказал? Молчишь? Ладно. Тогда так. Дураков не слушай.

– Ну а в чем я не прав?

– Да во всем! Ты мне не просто друг, ты мне брат! Больше чем брат. Если бы не ты, меня уже в живых не было! Мы с тобой через такое прошли, а ты мне сейчас какую-то дичь рассказываешь!

– Тогда почему ты съезжаешь?!

– Опять двадцать пять! Ну, пойми же наконец, выросли мы с тобой. И нам каждому нужно свое личное пространство. В конце концов, вдруг ты или я захотим привести девушку...

– Какую девушку? – подозрительно прищурился Витька, отчего приобрел еще более комический вид. – Надю?

– Это вряд ли, – усмехнулся Март, прекрасно помнивший предостережение Зимина.

– Правда? – облегченно выдохнул Витька и расплылся в идиотской улыбке.

– Погоди-погоди, ты что, влюбился? – изумился Колычев.

– Нет, что ты, – сразу же пошел в отказ любвеобильный сын корейского народа. – Просто она такая... такая...

– Все понятно, – вздохнул Март. – Доктор, мы его теряем! Ладно, давай помогу, что ли, с твоим барахлом. А то ты такими темпами за неделю не справишься.

– А у тебя с ней точно ничего не было? – на всякий случай поинтересовался Ким.

– Зуб даю!

Увидев, как расцвел Ким, Март еще накинул позитива.

– То, что всерьез хочешь учиться и зарабатывать – очень хорошо. Я только «за». Но меру знать надо. И вот еще что. Оцени преимущества нового расклада. Теперь можешь хоть всю ночь свет жечь. Вещи раскладывать, как тебе удобно. Это вроде как твой мир. Отдельный и

собственный. А общим у нас балкон останется, будем там вечерами сидеть, пить пив... кхм... лимонад и разговаривать.

Присев на кресло, почти машинально протянул руку к большому радиоприемнику, стоящему на комод. Крутнув ручку настроек, он с неким отстраненным удивлением услышал знакомый голос мисс Аннабель. Увеличив громкость, с интересом прислушался. В памяти сразу появился яркий образ рыжеволосой журналистки.

«Еще одна Ли на мою голову... – хмыкнул мысленно Колычев. – Ну, послушаем, что она нам вещает на своей волне».

– Витька, слышь, тут наша знакомая с Би-Би-Си говорит.

– Мне только что стало достоверно известно, что буквально два часа назад погиб командующий военно-воздушными силами Китайской республики Сун Цзевунг – старший брат всесильной мадам Чан – жены генералиссимуса Чан Кайши. Подробности. Подрыв мощного фугаса произошел во время проведения секретного совещания с руководителями флота. По нашим сведениям, его должен был посетить и сам мистер Чан⁶. Но, по счастливой для него случайности, глава Китая не смог приехать. Можно констатировать, что все руководство военно-воздушных сил Китая обезглавлено. Удачный и сильный ход Токио. Обстоятельства пока не ясны, но по сообщениям с места трагедии охрана обеспечивалась на высоком уровне, долина надежно прикрыта ПВО и ни один воздушный корабль не пересекал ее рубежей. Вероятно, имеет место предательство или работа внедренного агента? Возможно, вскоре мы это узнаем. Оставайтесь с нами, чтобы не пропустить самые горячие новости. С вами была ваша Аннабель.

Марта эта новость изрядно встряхнула, напомнив, что не только неведомый ему китайский функционер являлся целью для диверсии, но и он сам – такой молодой, нарядный и, главное, талантливый.

– Аннабель не перестает выдавать инсайды, раскрывать тайны и оглашать откровения. Профи, чего скажешь...

– Это да, она крутая, – согласился с другом Витька.

– Но как они это умудрились устроить? – задумчиво протянул Март.

– Японцы? – уточнил на всякий случай Ким.

– Ага. Такое впечатление, что у них там то ли ящик Пандоры, то ли меленка Сампо...⁷ Одним словом – сказки, магия и полный разрыв шаблона. То и дело выдают новые загадки.

– Да, опять враг чего-то придумал, – не без досады на столь несвоевременные нововведения, ответил Ким. – Ну, ничего. В прошлый раз удалось с их секретными торпедами летающими совладать, и теперь решение найдется.

– Твои слова да Богу в уши, – не без сомнения в голосе хмыкнул Колычев, вновь подивившись непробиваемому оптимизму друга.

Как всем давно известно, понедельник – день тяжелый, в том числе и для учащихся всех видов. Не являлась исключением и летная школа, где курсантов для начала выстроили на плацу. Затем зачитали журнал успеваемости, из коего явно следовало, что большинство стоящих перед начальством – лодыри и бездельники. После чего объявили о переходе к практическим занятиям и завершили все церемониальным маршем, который будущие пилоты ожидаемо провалили, шагая кто в лес, кто по дрова.

– И что прикажете делать с эдаким контингентом? – с тоской поинтересовался начальник училища.

– Чтобы управлять транспортом, умения тянуть носок не требуется, – пожал плечами старший преподаватель.

⁶ Генералиссимус Чан Кайши.

⁷ *Сампо* – чудесный артефакт из карело-финского эпоса «Калевала».

– И то верно, – кивнул Алексеев, после чего зычно крикнул: – Разойтись по занятиям!

Марту всегда нравилось учиться. Студенческие годы после армии вообще вспоминались как самое счастливое время в его недолгой жизни. Возможно, потому он и после окончания института регулярно ездил на стажировки, охотно посещал семинары и вообще всегда был рад узнать что-то полезное для профессии. А в этой новой жизни ему выпал полноценный шанс снова вернуться к учебе, пусть и в качестве курсанта.

Впрочем, летная школа, куда его определил Зимин, не являлась полноценным учебным заведением. Скорее, это были частные курсы для подготовки пилотов гражданских воздушных кораблей. Но поскольку пилот – профессия специфическая, государство не желало упускать из виду такой ценный ресурс, и все обучение происходило под патронажем Третьего Воздушного флота Российской империи.

Обучаться в школе могли все, у кого имелись для этого средства. Наличие «дара» не являлось обязательным. Тем не менее имелся небольшой костяк из имевших способности к управлению энергосферой курсантов, которые по разным причинам не могли или не хотели обучаться в специализированных учебных заведениях Империи. (Или, если быть уж совсем точным, учебные заведения не желали видеть их в своих стенах.)

Штат преподавателей и инструкторов сплошь состоял исключительно из бывших военлетов. Специально для работы с одаренной молодежью начальство привлекало за немалые деньги экспертов, в том числе и самого Зимина. Постоянным куратором небольшой группы был Виктор Павлович Астафьев – в целом ничем не примечательный, но очень настойчивый и требовательный отставной офицер.

Весь курс был рассчитан на четыре месяца с графиком шесть на шесть и одним выходным днем. Никаких глубоких знаний школа давать не предполагала, ограничиваясь разумным минимумом. Группа на момент прихода Колычева уже отучилась половину срока. Давно пере-знакомилась, определила лидеров и аутсайдеров, отличников, талантов и бестолочей. Так что вливаться в коллектив пришлось с трудом и не без скрипа. И тут очень помог скрытый ресурс опыта и возраста Марта.

Ближе всех он сошелся с Федором Розановым – дальним родственником известного философа, и Максом Черкасовым, происходившим из семьи потомственных моряков, с давних пор осевших в Порт-Артуре. Ребята они были, если не принимать во внимание их патологическое разгильдяйство, неплохие и, что называется, хорошие товарищи.

– Скорее бы за штурвал настоящего корабля, – мечтательно вздохнул Федор, на самом деле панически боявшийся самостоятельных полетов. – А то эти тренажеры надоели хуже горькой редьки!

– Кстати, за это надо выпить, – заметил Максим, отчего-то считавший неумеренное потребление спиртного признаком мужественности. – Предлагаю сегодня вечером.

– У меня нельзя, – сразу же отказался Розанов. – Родители вернулись.

– Надеюсь, все в порядке?

– Да. Вот только какой-то идиот ухитрился засунуть пустую бутылку из-под коньяка под подушку в спальне. Еле успел ее убрать.

– Это точно не я, – решительно пошел в отказ Черкасов. – Может, Март помнит?

– С чего бы, он едва ли не первым слинял, причем не один...

– Разве? – картинно удивился Макс и повернулся к скромно помалкивающему приятелю. – Курсант Колычев, извольте объясниться!

– О чем?

– Как о чем? – возмутился Федька. – Покинул застолье с барышней и не желаешь поделиться подробностями. Это по меньшей мере не по-товарищески!

– Джентльмены о подобных вещах не распространяются, – сдуру брякнул Март, но тут же пожалел о двусмысленно прозвучавшей фразе.

– Молодец! – одобрительно приподнял большой палец Черкасов. – Так сказать, не посрамил...

– Господа, я вам не сильно мешаю? – осведомился остановившийся рядом с их партами Астафьев.

– Никак нет! – под всеобщие смешки браво доложил Колычев.

– В таком случае, вам не составит труда повторить мои последние слова?

– Так точно! Ваше благородие сказали, что сегодня пройдет первое занятие по пилотированию учебного корвета «Джигит», и стали распределять курсантов по группам.

– И в какую попали вы?

– В первую. Вместе с курсантами Черкасовым, Розановым и Айсиньгьоро.

– Что ж, – хмыкнул куратор. – По крайней мере, мнемотехнике и поддержанию «сферы» вы научились. Однако не стоит во всем полагаться только на дар. Внимание в нашем деле требуется не меньше, чем в любом ином.

– Так точно!

– Прекрасно. У кого-нибудь есть вопросы?

– У меня, господин учитель, – поднял руку Пужень. До прихода Марта он считался фаворитом в группе и по силе дара, и по учебе, но появление новой звезды быстро затмило популярность «золотого мальчика».

– Слушаю вас, княжич.

– Курсант Колычев не прослушал полного курса, а его поставили в первую группу. Это может быть опасно.

– Не стоит быть таким пугливым, ваше сиятельство, – с непроницаемым лицом парировал отставник. – Курсант Колычев блестяще учится, на отлично сдает все промежуточные зачеты и письменные работы. Это – во-первых. Во-вторых, он единственный, кто имеет опыт управления ботом. Господа, в его летной книжке уже двадцать часов самостоятельного налета. И он успел все это сделать за прошедшие два месяца. Вы же и остальные курсанты не удосужились, видимо, в силу большой занятости, найти время для самостоятельных занятий. И в-третьих. Колычев награжден за участие в боях самим генерал-фельдмаршалом бароном Врангелем. Я в нем уверен, он не подведет!

Цифры эти полностью соответствовали действительности и уж точно не были взяты из «воздуха». Еще в самом начале, выдавая Марту приказ о его зачислении в летную школу, Зимин пообещал:

– Что касается тебя, Мартемьян. Согласно этому документу, ты принят в спецгруппу для одаренных в летной школе главной базы Третьего флота здесь, в Дальнем. Поскольку от большинства из курсантов априори сильно отстаешь, воленс-ноленс придется наверстывать. И в технике, и в пилотаже. Впрочем, вашу группу все равно пока что на тренажерах гоняют. Так что справишься.

– Я тоже так думаю, – скупно улыбнулся Колычев.

– Когда начнете летную практику, я тебе помогу, – продолжил Зимин, не обращая внимания на браваду будущего курсанта. – Будем дополнительно на разведботе заниматься, заодно и часы наберешь, и практику на малых судах для допуска к самостоятельным полетам получишь. Я, к твоему сведению, имею официальный ранг летчика-инструктора первого, то есть высшего, ранга. А там, как говорили наши предки – все в руце Божией. В общем, поживем – увидим!

Слово его никогда не расходилось с делом, так что после усвоения теории и отработки на «земле» он по выходным каждую неделю по несколько часов летал на разведботе. Сначала на месте второго пилота, а затем и командира воздушного судна. Строгий наставник даже организовал ночные тренировки. Впрочем, при наличии видения это было совсем не так сложно. «Сфера» отлично заменяла тепловизоры и ПНВ. Все полеты четко фиксировались и хронометрировались диспетчером аэропорта. Так что опыт он действительно успел-таки приобрести.

Теперь его предстояло продемонстрировать.

Закончив распределение курсантов по группам, Астафьев приказал им построиться и вывел во двор, где будущих пилотов поджидал грузовик. Забравшись в кузов, Март принялся разглядывать школу, невольно сравнивая ее с совсем недавно покинутым приютом. Несмотря на то что выстроенное в модном для тридцатых годов стиле модерн здание вовсе не поражаало воображение, по сравнению с его прежним обиталищем оно выглядело дворцом.

Небольшое, двухэтажное, выкрашенное в нежно-голубой цвет с яркими белыми арками, полуколоннами и оконными проемами. В учебных классах всегда царили свет и прохлада.

Оригинальная система вентиляции, сработанная русскими инженерами и архитекторами, прекрасно справлялась со своим предназначением. Широкие парты, грифельная доска во всю стену и набор мелков. Высокие потолки, широкие окна в частом переплете и уже повсюду электрическое освещение. Пусть и старомодно для жителя двадцать первого века, зато с душой и вкусом. В специализированных классах широкий набор оборудования от самого простого до настоящего и очень дорогого гироскопа марки «Spergi».

Неудивительно, что Марту здесь нравилось.

Стоило курсантам занять свои места, как мотор грузовика Нижегородского завода заурчал, и тот, подвывая гипоидной передачей, тронулся в сторону аэродрома, где их поджидал «Джигит».

Прежде чем будущие пилоты получали допуск, им предстояло пройти обязательный медосмотр, без которого к самостоятельным полетам никого не допускали. С учетом молодости и здоровья курсантов процедура являлась по большей части формальной, но правила есть правила.

Медпункт или, как говорили прежде, околоток на аэродроме располагался в отдельно стоящем флигеле, где царствовал коллежский советник Малышев – представительный мужчина лет сорока от роду. Как водится в военных частях, он был специалистом на все руки. И терапевтом, и хирургом, а если понадобится, то и психиатром.

Пока его товарищи, подшучивая друг над другом, раздевались, Март быстро разоблачился до трусов и, недолго думая, шагнул в смотровую. Открывая дверь, он едва не столкнулся с молодой девушкой в белом халате и высокой накрахмаленной косынке с красным крестом.

– Простите, – вырвалось у него.

– Вы уже готовы? – строго спросила медсестра.

– Для вас на всё! – не раздумывая, ответил он.

– Проходите, господин остряк, – осталась безучастной к его пылкости служительница Асклепия.

Внутри привычно пахло карболкой, йодом и еще какими-то лекарствами. Малышев сидел за столом, уткнувшись в лежащие перед ним стопкой медицинские карты курсантов. Несмотря на это, он сразу же узнал вошедшего и с легкой усмешкой отрекомендовал его своей помощнице:

– Полюбуйтесь, мадемуазель Стоцкая. Перед вами представитель славного рода Колычевых.

– Я польщена, – фыркнула барышня.

– Здравствуйте, Андрон Николаевич, – запоздало поприветствовал его не ожидавший такого приема Март.

– И вам не хворать. Впрочем, как вижу, вы по-прежнему до неприличия здоровы?

– Вашими молитвами.

– Жалобы есть?

– Никак нет!

– Чудно, – отозвался врач, расписываясь в летной книжке и протягивая ее курсанту.

– Разрешите идти?

– Ступайте и позовите следующего.

Малышев не просто был одаренным, а очень известным целителем. Будь у него такое желание, он давно мог бы иметь собственную клинику и солидный доход, но отчего-то предпочитал служить на задворках империи, подальше от столичных интриг и суеты. Ему не было надобности в тщательном осмотре своих пациентов, поскольку он прекрасно видел все их недуги через «сферу». К тому же Март, равно как и другие члены команды «Бурана», уже не раз бывал у него на осмотре. К слову, частным порядком такая услуга стоила довольно дорого, но у Зимина всегда было все самое лучшее.

– Ну что? – встретили его у входа товарищи.

– Восемнадцать, – потерянными голосом сообщил он им.

– Что, восемнадцать? – не понял его Черкасов.

– Видел медсестру?

– Конечно. Славная цыпочка.

– Стоит с линейкой и измеряет... – трагическим тоном ответил Март.

– Где измеряет? – широко открыл глаза Макс.

– Там, – с деланным смущением всхлипнул Колычев. – Сразу, как вошел, и вот.

– Но это же неприлично! – ахнул внимательно прислушивающийся к ним Розанов.

– В кабинете врача все прилично, – философски пожал плечами Черкасов. – Так ты говоришь сразу, как вошел?

– Да. Так что рекомендую снять трусы, а то у нее руки холодные. Сам понимаешь, размер махом снижается.

– Благодарю, – кивнул приятель и храбро шагнул внутрь смотровой.

Через минуту спешно натягивающий брюки Колычев услышал возмущенный женский вопль.

– Что вы себе позволяете, курсант? – рявкнул на весь околоток Малышев, после чего добавил уже тише, обращаясь к Стоцкой:

– А вы, голубушка, чего так кричите? Неужто никогда прежде не видели...

На взлетно-посадочном поле их терпеливо ожидал учебный корвет, уже много лет служивший партой для молодых пилотов. Когда-то «Джигит» был гордостью ВВФ, но лучшие дни для кораблей этого типа давно миновали. Большую их часть уже десять лет назад списали, некоторые погибли в различных переделках, но вот ему повезло отправиться на реконструкцию.

В ходе нее со старого корабля сняли бронирование и почти все вооружение, кроме пары учебных малокалиберных орудий и пулеметов. Все это, плюс замена двигателей на более мощные и современные, ощутимо облегчило борт и добавило ему динамики. Корабль отличала некоторая вычурность и угловатость облика, характерная для стиля авиастроения начала века. Но это ничуть не портило его красоту в глазах Марта и остальных курсантов, скорее наоборот, придавало определенный шарм.

Устройство корвета было изучено ими на занятиях вдоль и поперек, но больше в теории. Теперь же предстояло знакомство на практике. Колычев, в отличие от большинства своих товарищей, успел побывать на «Джигите» прежде и теперь подходил к кораблю, как к старому знакомому.

Чехлы с сопел двигателей уже были сняты, топливозаправщик успел отработать и покатил дальше по своим делам, небольшой экипаж занял свои места, дожидаясь курсантов.

Каждый раз перед полетом Март обязательно проходил через своеобразный ритуал приветствия корабля. Обход-осмотр начинался от носа и шел по часовой стрелке, сопровождаясь касаниями и поглаживаниями. Заодно не лишним было убедиться, что все технологические

лючки надежно задраены, чехлы и щиты сняты, в двигателях никто случайно не забыл масленку или отвертку. Но главное, Март «здоровался» с могучим стальным корветом.

Впрочем, долго побыть наедине с кораблем ему не удалось. Совсем скоро к нему присоединилась шумная гурьба однокашников, и Колычев вынужденно прекратил ритуал.

– Не ожидал от тебя, – тихо заметил Розанов, но долго сохранять строгий вид не смог и прыснул от смеха в ладошку. – Хорошо все-таки, что я не пошел следующим.

– Ничего, за мной будет должок, – пристально посмотрел на приятеля Черкасов.

– Глупо и пошло! – резюмировал Айсиньгоро, после чего с презрением отвернулся.

– Господа, а хорошо бы нам всем вместе сфотографироваться на память, – мечтательно заметил кто-то из курсантов. – Жаль, что ни у кого нет фотоаппарата.

– Не вздумай! – неожиданно резко одернул его Март. – Плохая примета!

– О чем ты говоришь? – удивился тот.

– Не то последнюю фотографию поставят на памятник! – пояснил Колычев.

– Ты, верно, опять шутишь? – подозрительно посмотрел на него Федор.

– Хотите верьте, хотите нет, а приметы в авиации – дело серьезное!

– Но почему?

– Не могу сказать. Просто не делайте так и все.

– А еще какие есть? – заинтересовались остальные.

– Никаких новых вещей и одежды – только проверенные, старые, слетанные. Особенно ботинки – они должны «научиться летать».

– Господи, это еще почему?

– А вот в этом есть здравый смысл, – вмешался незаметно подошедший Астафьев. – Новая одежда и тем более обувь в силу своей неразношенности может мешать, жать, натирать и в целом отвлекать. А в небе уже деваться некуда. Магазинов нет. Так что в этой части рекомендую прислушаться к советам курсанта Колычева.

– Главное, не слушать его перед медосмотром, – фыркнул в кулак Розанов, а вслед за ним расхохотались и остальные.

– Отставить смех! – рявкнул на них наставник, явно не понимая причину веселья. – Все собрались?

– Так точно!

– Тогда строиться и занять места по боевому расписанию!

Курсанты тут же успокоились и, организованно поднявшись на борт, напрямую проследовали в ходовую рубку, устроившись на нескольких откидных сиденьях у задней стены, после чего пристегнулись.

Первым, как и следовало ожидать, поставили на выполнение «коробочки» маньчжура. Причина проста – список составлялся по алфавиту. Княжич уселся в пилотское кресло с высокой спинкой и взялся за штурвал, ожидая команды капитана на старт. Он немного переволновался и в ходе выполнения полетного задания допустил ряд незначительных, и от того еще более досадных, просчетов. При отрыве от земли слишком высоко поднялся, не зафиксировался на полутора-двух метрах, чтобы проверить надежность работы систем и центровку.

В дальнейшем, при наборе высоты и выполнении разворотов, действовал не всегда точно и, пожалуй, чуть резковато. В целом ничего страшного для первого раза. На твердую «четверку». Март, который шел вторым, откатал все почти идеально. Чем заслужил череду взглядов от сокурсников. Были тут и зависть, и восхищение, и уважение, и признание. Но сам себе он признался, что, придется ему быть первым, кто знает, как бы все обернулось.

Больше всех умудрился наделать ошибок Федя Розанов. С самого начала он не развернул корабль носом к ветру, потом сразу подскочил в воздух с изрядной перегрузкой, заставив капитана негромко помянуть нечистого. Затем он ухитрился проигнорировать довольно сильный восточный ветер, отчего постоянно мотало на курсе, а после второго разворота по какой-

то неведомой причине продолжал тянуть корвет вверх, в то время как, согласно полетному заданию, должен был перевести учебный корабль в горизонтальный полет.

В итоге он промазал после четвертого разворота с точкой выхода на глиссаду⁸ и вынужден был зависнуть почти на сорока метрах от ВПП. Наверное, только широкая, пусть и очень растерянная в данный момент улыбка спасла его от неуды. Так что своей тройке он радовался едва ли не больше всех.

Что касается Черкасова, то он оказался крепким середнячком. Хотя опыта и таланта ему явно не доставало, выполнил упражнение он немногим хуже, чем Пужень, и уж конечно куда лучше Розанова. Хотя последнее было нетрудно. Впрочем, его отец служил штурманом на «Диане» и, судя по всему, успел кое-чему обучить своего непутевого отпрыска.

Но, если честно, Колычеву в тот момент было не до успехов друзей. Пока корабль Зимина находился в ремонте, он управлял только разведботом, а тот никак не мог сравниться с красавцем «Джигитом». Ощущение от полета, когда могучее тело корвета послушно подчиняется твоим малейшим движениям пальцев, заворачивало.

Пожалуй, самая сильная эмоция – это когда он прошел «конвейером»⁹ четыре круга и получил приказ уступить место другому. Вставать из пилотского кресла, отрывать от штурвала и рычагов управления двигателями совершенно не хотелось. «Уже все? Почему так быстро? Можно еще?» – так и крутилось в его голове, но ему хватило самодисциплины оставить эти наивные вопросы при себе.

«Ничего, скоро сдам экзамены, получу корочки и пойду стажером на „Буран“, вот тогда и налетаюсь по полной», – утешил он сам себя.

– Ну что, будем сегодня собираться? – отвлек его от размышлений Черкасов.

– Зачем? – затупил Март.

– Как зачем? – изумился вертящийся рядом Федя. – Все-таки первый самостоятельный полет...

– Если после каждого полета устраивать пьянку, никакая печень не выдержит, – решительно возразил Колычев. – Да и, как ты сам сказал, нам пока что негде. Давайте лучше соберемся, когда получим свидетельства пилотов. Тогда и повод для кутежа будет достойный, и мы сами уже станем не мальчиками-курсантами, а взрослыми людьми с весьма престижной специальностью! Ради такого дела не грех будет скинуться и арендовать зал в каком-нибудь заведении.

– Нет, это плохая идея, – мотнул головой Розанов. – Во-первых, по традиции после выпуска будет бал. Согласись, свинтить оттуда будет просто неприлично!

– А во-вторых?

– Ты представляешь, сколько будет стоить зал в «Ласточке»?

– А кто говорит о «Ласточке» и вообще о Порт-Артуре? Мы все-таки еще не офицеры ВВФ. В Дальнем достаточно вполне приличных трактиров с весьма умеренными ценами.

– А ведь в этом что-то есть! – задумался, оценив все выгоды предложения, Федор. – Господа, как вам предложение курсанта Колычева? – обернулся он к остальным и буквально напоролся взглядом на Айсиньгьоро.

– Мне нравится, – невозмутимо пожал тот плечами. – И я не вижу ни одной причины, по которой подобное мероприятие следует отложить. Первый самостоятельный полет – достаточно веский повод для праздника!

– Чудно. Так значит – вы в деле?

⁸ *Глиссада* – траектория полёта летательного аппарата, по которой он снижается, в том числе непосредственно перед посадкой.

⁹ Полет конвейером – курсантом выполняются все действия, как при обычной посадке, а после того как шасси касаются ВПП, начинается выполнение действий как при взлёте. Посадка конвейером используется для отработки элементов взлёта и посадки, а также расчёта на посадку при полётах по кругу.

– Почему бы и нет. Правда, у меня есть одно условие.

– Я весь внимание.

– Раз уж речь идет о празднике в честь первого полета, я полагаю, среди приглашенных должны быть только пилоты.

– Справедливое требование.

– И зачем откладывать, если можно прямо сейчас отпраздновать, но при том и не устраивать пьянку?

– То есть как это без водки? Может, еще и без девочек? – подал голос кто-то из курсантов, внимательно прислушивавшихся к разговорам одаренных.

– Ну зачем же, – невозмутимо улыбнулся маньчжур. – Я беру на себя обязанность украсить наше торжество присутствием прекрасных женщин. И при том сегодня же. Музыка, танцы и все, что вы только пожелаете.

– Я правильно понимаю, что вы сейчас говорите о том, чтобы отправиться к обитательницам «Павильона для гостей Золотого дома»? – широко распахнул глаза Розанов.

– Именно.

– Я, наверное, сплю! – простонал Федор.

– Так что, господин Колычев, вы согласны? – с непонятным выражением на лице спросил Пужень.

Первым побуждением Марта было послать маньчжурского аристократа как можно дальше, но тогда бы получилось, что он спасовал на глазах всей группы.

– Сказать по чести, у меня на этот вечер были иные планы... Но если все за, то и я с вами, – пожал он плечами.

– Вот и славно! – едва не запрыгал от радости Розанов и остальные курсанты. – Тогда решено, сегодня полакомимся «клубничкой»!

Единственным недовольным выглядел Черкасов, судя по всему, твердо намеревавшийся выпить именно сегодня. Но и ему пришлось согласиться с мнением большинства.

– Говорят, умней они, а что услышишь от любого? – сокрушенно процитировал Максим. – Жомини да Жомини, а о водке ни полслова!¹⁰

С другой стороны, утешил себя курсант, он наконец-то получит то, чего никак не мог добиться на вечеринках – женского внимания, пусть и за деньги.

Впрочем, Март тоже немного досадовал на себя. Встречаться лишний раз с Айсиньгоро, да еще и быть у того в должниках совсем не хотелось. К тому же надо будет как-то объясниться с Кимом, ибо условие Пужэня, конечно же, касалось прежде всего Витьки. Впрочем, он был практически уверен, что друг и сам бы отказался. Его романтическая натура искала настоящей, а не продажной любви...

Все же совсем без выпивки не обошлось. Курсанты, конечно, любили выставить себя людьми бывалыми и выдавшими всякие виды, но знакомство с борделями у абсолютного большинства было чисто теоретическим. Поэтому порог «павильона для гостей» они перешагнули не без робости.

Однако работницы индустрии досуга, предупрежденные молодым господином, встретили гостей своего хозяина более чем радушно. Руководившая «процессом» дама в традиционном наряде, которую Март про себя сразу же окрестил «бандершей», пригласила их устраиваться на стоящих вдоль стен диванчиках, а потом появились молоденькие служанки с подносами, уставленными бокалами с шампанским.

– Какие очаровательные крошки! – восхитился Розанов, глядя на разносящих напитки девушек. – Если тут такая обслуга, то каковы будут девочки...

¹⁰ «Песня старого гусара» Д. Давыдова.

– Надеюсь, хоть немного старше, – хмыкнул Март, пригубивая содержимое своего бокала.

Шампанское, к слову, оказалось весьма недурным. Не «Вдова Клико» или «Мумм», конечно, но более чем достойный «Лансон»¹¹. Впрочем, курсантам теперь было не до букета, поскольку перед ними появились главные действующие лица. В отличие от «бандерши», куртизанки оказались одеты более или менее по-европейски. Впрочем, в данном случае «одеты» звучало изрядным преувеличением. Скорее, это были легкие туники, мало что скрывающие от пытливых взоров будущей элиты воздушного флота.

Но в любом случае девушки показались им воплощением загадочной и таинственной Азии. Стройные, одинаково причесанные и покрашенные, они кружились перед своими потенциальными клиентами под непонятно откуда льющуюся музыку, создавая совершенно непередаваемую атмосферу восточных сказок и роскошных гаремов легендарных правителей Азии.

«Что ж, вот еще одна сторона жизни в дальних странах. Есть возможность ощутить себя на пару часов китайским императором, иранским шахиншахом, а то и Великим Моголом. Будем пользоваться, пока предлагают», – философски рассудил Март, потягивая из хрустального бокала искрящееся мелкими пузырьками шампанское. «И, пожалуй, я выберу вот эту трепетную лань. При такой гибкости в талии она, верно, может делать много интересного».

Виктор еще раз провел расческой по непослушным волосам и удовлетворенно вздохнул, пристально глядя на свое отражение в небольшом мутноватом зеркале. В целом он остался доволен собой. После вчерашних бесед с Зиминим и Мартом, которые так много и так круто поменяли, он и сам решил действовать решительно, не откладывая важные дела «на потом».

Будучи человеком, не лишенным наблюдательности и даже некоторых аналитических способностей, Ким пришел к выводу, что его собственный вкус в одежде, мягко говоря, далек от идеала. В принципе, ничего страшного в этом не было. Друзья на этот счет не загонялись, а мнение остальных его не слишком интересовало. Кроме, разумеется, представительниц прекрасного пола, к несчастью, не упускавших случая позлословить на его счет.

Устав терпеть болезненные уколы своему самолюбию, влюбчивый юноша, не мудрствуя лукаво, решил копировать манеру друга. Благо Вахрамеев, или теперь уже Колычев, пользовался неизменным успехом в любой компании.

Смахнув щелчком невидимые пылинки с плеч светлого пиджака, Виктор еще раз убедился, что рубашка, костюм и легкие туфли безукоризненно отглажены, сияют чистотой и выглядят при этом, что называется, респектабельно.

Придя к выводу, что наряд для начала новой жизни выглядит более чем подобающе, Ким, прошагав по гулким коридорам и аккуратно постучав в дверь учительской, оказался перед своим преподавателем. На секунду задержал дыхание и решительно обратился к наставнику.

– Ваше благородие, нельзя ли мне сегодня уйти пораньше?

Обычно наставники относились к подобным просьбам крайне отрицательно, но, во-первых, молодой человек был прилежен в науках, а во-вторых, их не часто именовали «благородиями». Как тут было отказать?

– Что, предстоит бой на близкой дистанции? – ухмыльнулся мастер, оценив непривычный внешний вид ученика. – Ладно, ступай.

– Покорнейше благодарю.

– Да иди уже, покуда не передумал! И завтра чтоб без опозданий! А то знаю я вас...

Покинув в приподнятом настроении свое учебное заведение, молодой человек впервые в жизни не стал опустошать чужую клумбу, а купил скромный букет у девушки-цветочницы и поспешил по направлению к женской гимназии, в которой училась Надя Ли.

¹¹ «Veuve Clicquot», «Mumm», «Lanson» – марки шампанских вин.

Ждать пришлось довольно долго, но, как известно, «влюбленные часов не наблюдают», и полный самых радужных предчувствий Виктор готов был провести у заветных ворот всю жизнь.

Наконец старшеклассницы появились на крыльце большого трехэтажного здания Первой женской гимназии. Одетые в очень скромные и сдержанные белые форменные платья с длинными глухими рукавами и темные фартуки, с туго заплетенными в косы длинными волосами, они, щебеча как сказочные птицы, расходились каждая своей дорогой.

Время от времени они, конечно, бросали на странного молодого человека с цветами заинтересованные взгляды, но он в ответ лишь растерянно улыбался, потому что ждал только одну-единственную на всем белом свете, пока не увидел ее.

Девушка шла в окружении подружек и беспечно улыбалась солнечному дню и закончившимся скучным занятиям, когда на ее пути оказался ушибленный Амуром юноша. Сначала в ее глазах промелькнуло недоумение, потом узнавание и легкая растерянность, но потом самообладание вернулось, и она мило улыбнулась ему как старому знакомцу.

– Здравствуйте, Надежда, – выдавил из себя Витька, заметивший только улыбку, и на негнувшихся ногах подошел к предмету своей страсти.

– Здравствуйте, э...

– Виктор.

– Да, Виктор. Как чудно, что я вас встретила. А что вы здесь делаете?

– Вас ждал, Надя, – набравшись храбрости, не слишком изящно сунул девушке в руки букетик. – Вот цветы. Можно я вас провожу?

Беззастенчиво гревшие уши спутницы тут же захихикали, но, как оказалось, мадемуазель Ли было не так просто смутить.

– Отчего же нет, я с удовольствием с вами прогуляюсь, – просто ответила она.

– В таком случае не будем вам мешать, – немного жеманно заметили гимназистки и поспешили отойти в сторону, не спуская, впрочем, глаз со странной парочки.

Первые пару минут они шли молча. Смущенный Витька не знал, что сказать, а Надя просто невозмутимо шла рядом, наслаждаясь вниманием подруг.

Затем Ким собрался с духом и робко произнес:

– Вы позволите предложить вам мороженое?

– Отчего же нет? – улыбнулась девушка. – Я очень люблю сладкое. Только где же вы его возьмете?

– Здесь совсем рядом есть кафе. Говорят, в нем подают чудесный пломбир разных вкусов и кофе с венскими вафлями.

– Тогда пойдемте, – на удивление легко согласилась девушка, которая, казалось, и сама совсем не спешила возвращаться домой.

Честно говоря, Виктор не смел и надеяться, что Надя примет его приглашение. Тем более что гимназистам запрещалось посещать публичные места без сопровождения родителей, но теперь, когда самые смелые его мечты осуществились, обрадовался и проявил настоящую щедрость, совсем забыв поинтересоваться, что предпочитает его избранница.

– Нам, пожалуйста, по три шарика, – выпалил он официантке. – Ананасовый, вишневый и крем-брюле!

– Как будет угодно, – сделала она книксен.

– И кофе с печеньем, – запоздало крикнул он ей вслед.

– Всенепременно.

Сидя за столиком на крытой веранде, молодые люди с аппетитом принялись за сладости, потом пили кофе, болтая о всяких пустяках. Недавнее совместное приключение невольно сблизило их, и они вели себя как старые друзья или по меньшей мере давние знакомые. Потом они гуляли, причем Ким взвалил на себя оказавшийся совсем нелегким ранец с учебниками.

Что касается мадемуазель Ли, то она воспринимала его неловкие ухаживания как должное. Время летело незаметно, и не успели они оглянуться, как оказались перед тяжелыми дверьми большого особняка.

– Вот я и дома, – сообщила Надя.

– Жалко, – вздохнул Витька. – Но мы ведь еще увидимся?

– Конечно, – отозвалась девушка, стрельнув глазами по сторонам, на прощание легко прикоснувшись сладкими, сочными губами к его щеке.

Ким так растерялся, что не нашелся сразу, что ответить, а когда все-таки открыл рот, гимназистки уже и след простыл. Ему хотелось петь, а еще лучше взлететь, как воздушный шарик, наполненный волшебным газом счастья. Постояв с минуту, в тайной надежде, что красавица еще раз выглянет в окно и помашет ему рукой, он так и не заметил, как из ворот роскошной усадьбы напротив вышли четверо одетых в традиционные маньчжурские наряды крепких молодцов и решительно направились напрямик к нему.

Довольно поздно вернувшись домой, Март не застал Кима. Решив, что друг, как обычно, работает допоздна, но вполне сможет добраться на такси, он направился на кухню. Порывшись в огромном холодильнике, отыскал составляющие простейшей пасты с прошутто, помидорами и грюйером и в гордом одиночестве поужинал. К ночи, когда Ким так и не появился, Колычев уже начал немного беспокоиться. Для начала он позвонил по всем доступным номерам, где гипотетически мог оказаться Витька.

В итоге выяснилось, что тот, нарядившись, ушел с учебы рано, а в мастерские так и не явился. Не нашлось его и у Игната в учебке, куда Ким регулярно заходил, осваивая артиллерийское дело, гоняя по полосе препятствий или пережигая в тире цинки с патронами для отработки стрельбы из неустойчивых положений по всем образцам стрелкового вооружения от пистолетов и винтовок до ручных и станковых пулеметов.

Оставалось позвонить в полицию и городскую больницу. Когда и там твердо ответили «нет», пришлось задуматься.

Посмотрев шкаф с вещами Виктора, Колычев убедился, что тот сегодня выбрал свой лучший костюм и легкие туфли, которые Март ему и выбрал в самом дорогом магазине готового платья. Припомнив вчерашний разговор, он пришел к логическому умозаключению, что влюбчивый сын корейского народа и начинающий трубадур, очевидно, пустился в амурные похождения, и поразился несвоевременной ассоциации.

«Выходит, мы одновременно крутили отношения с противоположным полом, только я удовлетворился простым решением, а этот балбес решил штурмовать горные вершины».

Время было позднее, и звонить Надежде, чей номер и адрес Март без труда отыскал в телефонном справочнике, показалось ему не слишком удобным. Но делать нечего. К сожалению, взявший трубку слуга не захотел ничего слушать и, пролопотав на ломаном русском: «Господина изволит спать, звоните завтра, пожалуйста», – повесил трубку.

В груди неприятно кольнуло нехорошее предчувствие, а интуиции одаренному следовало доверять. По-хорошему, следовало посоветоваться с опекуном, но Зимин, как назло, опять задерживался, а мерно тикавшие башенные часы в гостиной наглядно показывали, что время безвозвратно утекает.

Делать нечего, Колычев быстро оделся, завел своего стального коня, включил фару и, выйдя в «сферу», помчался по ночному асфальтовому серпантину в центр, выжимая из аппарата максимум. В некотором роде это было увлекательное, пусть и короткое, путешествие. Дорога не заняла много времени, и уже через десять минут он, заглушив двигатель и погасив свет, остановился перед домом семейства Ли.

Дальше оказалось просто. Не выходя из «сферы», он осмотрел все этажи здания, без труда отыскав комнату девушки. Перемахнув через ограду и успокоив пару грозного вида псов,

выпущенных дворником с наступлением ночи для охраны покоя хозяев, он с ловкостью настоящего мастера паркура, разогнавшись, взбежал по стене и, оттолкнувшись, уцепился за балкон второго этажа. Дальше пришлось пройти по карнизам, и вот он у распахнутого настежь по летней жаре и прикрытого только тончайшей кисеей занавески окна. С кровати раздался короткий испуганный вскрик.

– Добрый вечер, Надежда Николаевна, – поспешил успокоить ее молодой человек. – Не извольте беспокоиться, это всего лишь я, Мартемьян.

– Колычев? – облегченно вздохнула девушка. – Боже, как ты меня напугал!

– Покорнейше прошу меня простить, но дело важное...

– Тебя учитель хороших манер из нашей гимназии покусал? – перебила его Надя, затаскивая припозднившегося визитера внутрь комнаты.

– Что? – смешался не ожидавший подобного Март.

– Что ты выкаешь, как на приеме. Говори по-человечески, что случилось?

– Витька пропал!

– И ты решил, что он заночевал у меня? – возмутилась мадемуазель Ли.

– Нет, конечно, но я подумал...

– Что я – шлюха? – прошипела красная от злости девица, пытаясь прожечь незваного гостя презрительным взглядом.

– Нет. Но, может быть, ты его видела сегодня?

Некоторое время они играли в гляделки, но потом Надя как будто успокоилась и легким движением накинула на себя легкий шелковый халатик. Приведя себя, таким образом, в порядок, барышня совершенно успокоилась и, устроившись поудобнее на кровати, призналась:

– Ну, вообще-то видела.

– Где? – спросил Март, отметив про себя, что у девушки незаурядное самообладание.

– Он меня у гимназии встретил.

– В каком смысле?

– В романтическом! Колычев, не тупи! Ну да, встретил, букет преподнес, проводить предложил, что непонятного-то?

– Что потом?

– Мороженым угостил!

– Я не об этом.

– Господи боже, какой же ты нудный! Проводил до дома, и мы расстались.

– И все?

– Если ты ожидал пикантную историю, то не угадал.

– Я имел в виду, – ледяным тоном уточнил Колычев, – что ты, возможно, знаешь, куда он пошел?

– Нет, – вздохнула Надя, после чего спросила уже другим тоном, в котором явно проступило беспокойство: – Ты думаешь, с ним что-то случилось?

– Пока не знаю, – мрачно отозвался Март. – Хотя...

– Что?

– Ты вроде говорила, что Пужень живет где-то неподалеку?

– Да, их дом стоит напротив.

– Вот этот? – Колычев указал на ярко освещенную фонарями громаду особняка, выстроенного в вычурном европейском стиле с некоторыми элементами восточной экзотики в отделке и деталях.

– Да.

– Понятно. Тогда я пошел. До встречи, мон шер.

Оставшись одна, барышня какое-то время смотрела вслед растворившемуся в ночи молодому человеку, потом с досадой поправила:

– Ma chère! – и показала темноте язык¹².

Спустившись вниз, Март прямым ходом направился к особняку Айсиньгоро и, невзирая на поздний час, принялся громко и настойчиво стучать. Спустя некоторое время ему открыли, он, растолкав охранников, зашел внутрь и безапелляционным тоном потребовал встречи с хозяевами.

Его провели на первый этаж, где уже поджидал немолодой и снабженный мощным защитным амулетом, напоминающим тот, что имелся у старого Хвана – владельца ломбарда.

– Я старший над охраной князя Айсиньгоро Цзайфена, можете обращаться ко мне мастер Ичен. Кто вы и что вам нужно, господин? – вел себя пожилой, коренастый азиат уверенно, но вместе с тем почтительно, оставаясь нарочито непроницаемым и спокойным.

– Где мой брат? Виктор Ким? – проигнорировав все формы вежливости, жестко и грубо потребовал Колычев, внутри которого протуберанцами гнева полыхал огонь.

– Его здесь нет, – холодно блеснув глазами, ответил начальник охраны, даже не пытаясь скрывать, что имя это ему известно.

Март, только теперь сообразивший просканировать окрестности через «сферу», уже и сам убедился в этом.

– Предупреждаю, если хоть один волос упадет с его головы, я вырежу весь ваш золотой клан. Так что лучше будет, если вы его просто отпустите подобру-поздорову.

– Ты угрожаешь нам, мальчишка? – изумился подобной наглости Ичен.

– Нет, пока что предупреждаю, – холодно ответил Колычев, которого почему-то успокоили слова охранника.

Он вдруг понял, что, хотя Ким и был здесь, но его увезли и спрятали, а значит, пока что он нужен им живым. Это на данный момент главное. А еще Март осознал, что хотя у маньчжура и есть амулет, теперь он, Март, может с легкостью его преодолеть. Особенно если хозяин артефакта находится под влиянием сильных эмоций. Как, например, сейчас. И это было очень весомым преимуществом.

В принципе, он с легкостью мог бы разметать охрану и даже захватить любого из них в плен, после чего путем нехитрых манипуляций получить все необходимые сведения. Но последствия такого шага могли оказаться чрезмерными. Этим он мог подставить уже и Зимина.

– Я свое слово сказал, – глядя прямо в глаза разъяренному Ичену, заявил Март, после чего развернулся и, уже выходя, добавил: – Передайте его сиятельству мои уверения в совершеннейшем почтении!

Вернувшись домой, он застал опекуна в его кабинете. Немного потоптавшись в нерешительности перед дверью, Колычев уже поднял руку, чтобы постучать, но ровный голос наставника остановил его на полпути.

– Заходи и рассказывай, – коротко потребовал кавторанг, почувствовавший присутствие и волнение воспитанника.

Повествование заняло не слишком много времени, после чего Март наконец решился взглянуть в глаза наставника.

– Это все? – холодно спросил тот.

– Да.

– Чудно!

– Что мы будем делать? – вздохнул молодой человек, почему-то чувствовавший себя крайне виноватым.

– Ты – ничего! А вот я и мои люди займемся поисками. Кое в чем ты, конечно, прав. Раз Виктора не прибили сразу, значит, он еще жив. Так что отчаиваться не стоит.

– А если все-таки?... – не сумел удержаться от мучившего его вопроса Март.

¹² Ma chère – моя дорогая. Мон – мой (*фр.*).

– Лишить жизни одаренного подданного Российской империи? – высоко приподнял бровь приватир. – Есть менее изощренные способы самоубийства!

– Ты уверен?

– По совести говоря, нет, но, если Айсиньгоро захотят войны, они ее получают. Однако тебя это не должно беспокоить.

– Почему?!

– Потому что у тебя скоро экзамен. Когда начнутся учебные полеты?

– Уже начались.

– «Коробочка» или уже в пилотажной зоне?

– Да, по кругу откатали достаточно. Сказали готовиться к многократной отработке элементов и фигур.

– Отлично. А теперь иди спать. Как говорили наши предки, утро вечера мудренее.

Что интересно, наставник не ошибся, поскольку первым, кого Март встретил на автостоянке перед школой, был Пужэнь.

– Нам нужно поговорить, – заявил он никак не ожидавшему подобного поворота сопернику.

– О чем? – мрачно поинтересовался Колычев.

– Я знаю, где твой друг.

– Кто бы сомневался!

– Послушай, – процедил сквозь зубы княжич, которому явно трудно давался этот разговор. – То, что случилось, не имеет ко мне никакого отношения. Эта тупая обезьяна...

– Полегче!

– А как его еще назвать?! Явился к нашему дому, провожая мою невесту... Вот охрана и сработала. А дальше... Неважно. У меня одно условие. Я скажу, где его держат, если ты поклянешься никого не убивать.

– Это будет непросто. А если они сами начнут первыми?

– Против одаренного? Смешно. Повторяю. Поклянись, что никто не умрет в этом доме, и я тебе скажу, где твой кореец.

– Хорошо, обещаю, – сквозь зубы процедил Март.

– Отлично. Вот адрес, – и маньчжур протянул Колычеву небольшой листок с каллиграфически ровно выведенными короткими строчками.

– С чего вдруг такая любезность? – насторожился Колычев.

– Надя попросила, – мрачно ответил Пужэнь. – Это она мне все рассказала...

– Вот как?

– Наши отношения тебя не касаются. И вот еще что. То, что случилось, ничего не меняет. Я ничего не забыл и не забуду. Мы по-прежнему враги. Но я сам решу, когда и как нанести тебе удар. Без указки отца или еще кого бы то ни было. И в свой срок.

– Всегда к твоим услугам. Но...

– Что еще?

– Все равно спасибо. Если все так, как ты сказал, за мной долг.

– На том свете угольками отдашь, – криво усмехнулся Пужэнь и, резко развернувшись, направился к школе.

Несмотря на то что уже вовсю звенел звонок, Март не стал спешить в класс, а направился к учительской, где, как он точно знал, был телефон. Убедившись, что все преподаватели разошлись по урокам, молодой человек набрал домашний номер, но не дождался ничего кроме гудков. Очевидно, Зимин уже уехал, и найти его будет не таким уж простым делом.

Значит, придется действовать самому. Впрочем, это совершенно не означает, что одному. Еще раз покрутив диск, он приложил трубку к уху и тут же услышал:

– Дежурный по учебному центру слушает.

- Будьте любезны, подскажите, унтер-офицер Вахрамеев сегодня на месте?
- Назовитесь, – потребовал голос на том конце провода.
- Курсант Колычев.
- Март?
- Он самый.
- Да на месте твой крестный, куда он денется!
- Благодарю.
- Что-нибудь передать? – запоздало хрюкнуло в трубке.
- Нет необходимости, – покачал головой юноша, пристроив ее на место.

Он вовремя спохватился, что по нынешним временам их запросто могут подслушать барышни-телефонистки. А вот этого ему сейчас было совсем не нужно.

Судя по всему, оставшийся неизвестным дежурный все-таки сообщил инструктору о звонке крестника, потому что Игнат встретил его перед КПП.

– Случилось чего? – хмуро поинтересовался тот, сверля взглядом из-под кустистых бровей.

– Случилось, – согласно кивнул ему Март. – Витьку похитили.

– Да кому он нужен? – изумился Игнат. – Ну-ка, паря, рассказывай, что у вас приключилось!

– Долгая история.

– А быстро только кошки родят, отчего, кстати, котята слепыми и рождаются!

Вздыхнув, молодой человек поведал крестному историю последних дней, вкратце обрисовав и историю взаимоотношений с младшим отпрыском клана Айсиньгьоро.

– Дела! – хмыкнул Вахрамеев и, сбив набок фуражку, задумчиво почесал седую шею. – Владимир Васильевич знает?

– Да уехал он, а тут каждая минута на счету.

– Тоже верно. Вот что, Мартемьянушка. Ты обожди тут маленько, а я ребят соберу да прихвачу кое-что.

Сказав это, он круто развернулся и оставил бывшего воспитанника одного. Ждать пришлось довольно долго. Игнат все не шел и не шел, и Март практически потерял терпение, когда его окликнул из-за угла крестный.

– Чего столбеешь? Сюда иди!

– Ты откуда взялся? – изумился молодой человек.

– А что мне с этим через КПП надо было идти? – криво усмехнулся Игнат, похлопав по ложу самозарядной винтовки.

Вместе с ним пришла еще пара молодых унтеров, проходящих стажировку в центре, и неожиданно Горыня – боцман с «Бурана», неделю назад выписавшийся из госпиталя. Все четверо вооружены до зубов. Унтера, как и Вахрамеев, с СВТ, а Горыня с пистолетом-пулеметом – привычным томми-ганом. Помимо того, у всех на поясах висели гранаты и ножи.

– На мотоцикле я вас всех не увезу, – немного растерялся Март.

– И не надо. Нас Захар подвезет.

– А он как здесь оказался? – тихо спросил Колычев, удивленный присутствием боцмана.

– Много будешь знать – скоро состаришься! Говори лучше, куда ехать?

– Вот сюда, – показал бумажку с адресом Март.

– И чего это? – с интересом посмотрел на иероглифы крестный.

– Тьфу ты, – чертыхнулся про себя молодой человек, – это склады в Талиенване. Между заливом и старой китайской батареей.

– Знаю, – кивнул старшина. – Значится так. Ты поезжай на своем драндулете, а мы потихоньку следом. На месте встретимся.

– Не спугнуть бы...

– Поучи мне еще, щегол! Двигай давай.

– И это... я обещал, что никого не убью!

– Так, а мы что тебе, душегубы какие? – развел руками Игнат. – А это так, попугать только. Как говорится, добрым словом завсегда способнее, особенно когда с пулеметом!

– Ладно, я побежал.

– Беги-беги, Мартемьянушка, – перекрестил его вслед старый вояка, после чего усмехнулся в седые усы и тихонько добавил: – Я-то никому ничего не обещал!

Как и следовало ожидать, Колычев первым достиг цели и оказался среди лабиринта складов, пакгаузов, открытых площадок и навесов, разделенного на две неравные части узкоколейной железной дорогой. На некоторых из них виднелись люди. Другие выглядели совершенно необитаемыми, и только наезженная дорога перед оплетенными какими-то вьющимися растениями воротами подсказывала, что тишина здесь обманчивая.

Другой человек наверняка заблудился бы в этом нагромождении, но Март быстро просканировал окрестности и сразу же отыскал пропажу.

Держали Кима в отдельном блоке, в самой настоящей клетке. Но куда важнее было то, что парень жив и более-менее здоров. Хоть и обзавелся монументальными железными колодками на руках и ногах, вес и толщина которых исключали возможность сломать или разорвать их даже с помощью силы.

А вот охрана оказалась невелика, да к тому же несли ее из рук вон плохо. Судя по всему, полдюжины сторожей полагались на полтора десятка злющих кудлатых псов, постоянно снующих по территории, а сами засели в одном из пакгаузов и с азартом резались в кости.

На соседней площадке несколько крепких мужчин что-то загружали в автомобиль с большим кузовом под охраной трех вооруженных винтовками охранников, да еще пара изображала патрулирование объекта, стараясь при этом держаться в тени. Впрочем, как бы то ни было, их тоже следовало иметь в виду.

И уже в последний момент он разглядел очень ловко спрятанный секрет на склоне соседнего холма с парой стрелков: снайпером и его вторым номером, оснащенных винтовкой с оптическим прицелом и мощным биноклем.

«Однако, – хмыкнул про себя Март. – Не такие уж и лохи эти ребята из Золотого клана. Вот, пожалуй, с них я и начну, пока дядька Игнат со своими головорезами не подтянулся и не устроил тут штурм Измаила...»

Обычному человеку, чтобы оставаться незамеченным, нужно прятаться, пробираться задками, ползти через открытые участки местности. Одаренному в этом смысле проще. Он может отвлечь внимание наблюдателей так, что они этого даже не заметят. Точно так же случилось и с засевшими в секрете боевиками. Пока они усиленно пялились на дорогу, пытаясь что-то там разглядеть, Колычев проскользнул с другой стороны и эффектно появился позади стрелка.

– Ходи, одноглазый¹³, – шепнул он ему на ухо и одновременно ударил обеими руками по шее.

Не ожидавший подобной подлости снайпер кулем свалился под ноги нападавшему, пока его ничего не понимающий напарник растерянно хлопал глазами. Еще один короткий тычок, и он тоже выпал из окружающей его реальности.

– А теперь спать, – прошептал Март, погружая обоих охранников в глубокий сон.

Полюбовавшись делом своих рук, Колычев хотел было уйти, но тут его взгляд наткнулся на оружие безмятежно спящего маньчжура. Это оказался американец – полуавтомат М1

¹³ Одноглазый – жаргонное название снайпера.

«Гаранд» с мощной цейсовской оптикой. Еще у снайпера имелся патронташ с набитыми патронами восьмизарядными пачками. Пройти мимо такого великолепия было бы преступлением.

– Витьке будет подарок, а заодно моральная компенсация, – решил он, собирая трофеи, в число которых включил два пистолета и мощный морской бинокль.

Пора было возвращаться, но в последний момент Март все-таки решил связать мирно дрыхнувших боевиков. Так сказать, на всякий случай. Все-таки он был еще не слишком опытным, чтобы точно определить, сколько они еще будут находиться в царстве Морфея. А риск слишком велик.

Время поджимало. Еще раз убедившись, что вокруг все чисто, а Ким по-прежнему в клетке, Колычев поспешил к месту сбора.

Возле будки путевого обходчика его уже поджидал маленький грузовичок или большой пикап с поднятыми боковинами капота, в недрах которого увлеченно ковырялся Горыня. Рядом со скучным видом присел на землю Игнат и неторопливо набивал табак трубку. Оружия видно не было, впрочем, как и учеников старого абордажника.

Продолжавший непрерывно сканировать «сферу» Март постарался подобраться к ним незамеченным, и это ему почти удалось. Почти – потому что, как только он оказался достаточно близко, дядька Игнат развернулся к нему и с хитрой усмешкой спросил:

– Где тебя черти так долго носили?

– Осматривался.

– Хорошее дело. Кабы ходил потише, цены бы тебе не было.

– А что у вас с машиной?

– Нормально все. Просто военные сюда нет-нет да заглядывают, но долго не задерживаются. А тут мотор забарахлил, вот и весь хрен до копейки.

– А остальные где?

– Где положено. Лучше расскажи, что доглядел?

Март быстро поведал крестному о местной охране, особо упирая, что службой те явно пренебрегают, отчего справиться с ними особого труда не составит.

– Ружо где взял? – прищурился Вахрамеев.

– Где взял, там уже нет, – пожал плечами Колычев. – Лежала без присмотра, рядом с двумя гавриками. Не оставлять же?

– Ну-ну. Значит, говоришь, Витька вон в том сарае?

– Да. Видите калитку? Оттуда ближе всего к его узилищу добираться. И лишнего шума не поднимем. Надо только часового снять потихому. Он там один под солнышком потеет. А дальше рывком на точку, вяжем охранников в сторожке, забираем ключи и... ну, собственно, все. Останется только без шума и пыли вый ти тем же путем.

На минуту или даже меньше лицо старого вояки закаменело. Судя по всему, он обдумывал создавшуюся ситуацию, затем резко поднялся, как будто на что-то решился, и спросил у Горыни:

– Захар, у тебя ведро есть?

– Под кузовом висит. А тебе зачем?

– Зачем-зачем, – огрызнулся старший унтер. – У самого в радиаторе вода кончилась, а спрашивает...

– Ты куда? – насторожился Март.

– Так спрошу у добрых людей, может, помогут? И ты это, винтовочку схорони в кузове, уж больно приметная. А если пострелять невтерпеж, так мою возьми.

– Нет. Надо, чтобы все без жертв обошлось.

– Ну вот и я об чем, – покладисто согласился дядька Игнат и, по-старчески шаркая, направился в сторону складов. Колычев, постояв на месте несколько секунд, повернулся к Горыне:

- Вот импровизатор хренов... Я за ним, а то как бы чего не начудил старый.
- Принято. А я тут пригляжу, если что – поддержу огнем.
- Договорились.

Вид у Вахрамеева был таким безобидным, что большинство охранников никак не прореагировали на его появление, увлеченные игрой. И только стоявший на посту у вторых ворот преградил незваному гостю дорогу, сдернув с плеча «Арисаку».

- Тут частные владения!
- Ась? – приложил ладонь к уху Игнат.
- Я спрашиваю, что тебе здесь надо, заморский черт?
- Так водички бы мне, – показал на ведро бывший абордажник.
- Там на переезде есть колонка, – нахмурился часовой.
- Так не течет, анафема!
- У нас воды нет!
- Вот беда-то какая, – искренне огорчился Вахрамеев. – А как же мне быть?
- Вон там есть колодец, – смилостивился маньчжур и показал рукой в сторону соседнего пакгауза.

Но не успел он это договорить, как к еле шаркающему старику вернулась его прыть. Резкий толчок в бок, и задыхающийся от неожиданного удара охранник оказался на земле, а его шею захлестнул ремень от собственной винтовки.

– Учишь вас, раздолбаев, учишь, – проворчал Игнат, оттаскивая пленника за угол, – не разговаривай на посту с посторонними, а вам как об стенку горох!

Молниеносная расправа осталась незамеченной. Март, наблюдавший за ловким маневром крестного из ближайших кустов, тут же подбежал и помог затащить тело в будку.

- Скоро патруль из-за угла выйдет. Надо их тоже встретить.
- Главное, чтобы псы не всполошились.

– Сейчас чего-нибудь придумаю. – Март на скорую руку слепил образ очень страшного и огромного тигра, послав его ближайшим и уже насторожившим уши кобелям. Это произвело на животных неизгладимое впечатление. Не прошло и секунды, как грозные волкодавы попрыгали кто куда и затихли, боясь даже скулить.

– Это я даже перестарался, пожалуй, ну, теперь уже ладно, – слегка удивился столь сильной реакции Март, одновременно стягивая с головы оглушенного сторожа маньчжурскую шапку, после чего подхватил винтовку и попытался изобразить бойца на посту.

Получилось у него так себе, но обнаружившие странные изменения в привычном облике своего товарища патрульные все равно не успели ничего предпринять. Возникший у них за спиной Игнат весьма аккуратно, можно даже сказать, нежно охватил головы бойцов огромными ладонями и резко толкнул их друг с другом с костяным стуком.

– Вот вам, бабушка, и Юрьев день! – только и смог выдавить из себя изумленный силищей своего крестного Колычев.

– Разговариваешь много, – огрызнулся Вахрамеев, завладев одной из винтовок и выкинув затвор из второй. – Говори лучше, куда дальше идти!

- Сюда, – показал Март.
- Тогда я первый, а ты прикрывай! – кивнул бывший абордажник и резко открыл дверь.

Внутри, как сказал бы старый служака, царил полный бардак. Расслабившиеся бойцы Золотого клана, оставив в сторону оружие, мирно попивали зеленый чай и, увидев, как перед ними возник Игнат с винтовкой, немного растерялись. А когда вслед за ним последовал ментальный удар крестника, еще толком не научившегося дозировать силы, впали в панику.

– Сидеть, ходя¹⁴! – рявкнул на нервно дернувшихся маньчжуров унтер и на всякий случай двинул ближайшего прикладом в ухо.

– Мы не ходя, – сглотнув, пролепетал старший из них.

– А мне по хрен! – выразил свое отношение к национальному вопросу Вахрамеев.

– Всем на пол! – скомандовал Март.

Окончательно сломленные боевики дружно попадали вниз, едва не перевернув стол, а заодно и стоящий на нем чайник с кипятком. В воздухе тут же распространился острый запах аммиака.

– Кажись, обмочились, – резюмировал наморщивший нос Игнат. – Где ваш пленник?

– Там, – не поднимая головы, отвечали охранники.

– Ключи!

– Скорее всего, вот, – поднял большую связку с пола Колычев.

– Тогда ступай, – велел крестный. – А я тут покаду покараулю...

Поначалу молодому человеку не хотелось покидать дядьку Игната. Уж больно хорошо у них получалось работать в тандеме. Бывалый абордажник выступал первым номером, пока Март ментальными ударами доводил противника до паники и расслабления сфинктеров. Однако оставлять пусть даже совершенно деморализованных маньчжуров без присмотра не стоило.

Закованный в массивные колодки, в которых, вполне возможно, томились еще сторонники династии Мин, Витька, который толком еще не умел выходить в «сферу», все же ухитрился почуять, что ему скоро придут на помощь, и попытался приподнять голову.

Дело это оказалось совсем не простым, но когда все-таки удалось, он едва не задохнулся от счастья при виде своего друга.

– Марик, – только и смог выдавить из себя расплывшийся в улыбке Ким.

– Тише-тише, – постарался успокоить его Колычев, судорожно перебирая ключи. Наконец, один из них, такой же древний на вид, как и сами колодки, подошел.

Не без труда провернув его в скважине, Март услышал легкий щелчок и откинул в сторону верх ужасного приспособления. После чего приятель буквально свалился ему на руки.

– Я знал, я верил, что ты меня найдешь, – едва не плача прошептал тот.

– Ну, а как же иначе? – вздохнул товарищ, помогая Виктору подняться. – И вообще, давай оставим эту часть на потом. Сейчас надо выбираться.

– Я... я могу сам идти, – выдавил из себя Ким и тут же едва не растянулся на грязном полу.

Наверху все было по-прежнему, но вот за дверями, судя по колебаниям «сферы», уже готовился «комитет по встрече». Но теперь, когда Витька был рядом, на Колычева снизошло абсолютное спокойствие. Братишка жив и ничего плохого с ним больше не случится. Он, Мартеньян, этого просто не допустит. И если кто-то решится встать у них на пути... Кто не спрятался, я не виноват!

Перед сараем угрюмо толпились рабочие китайцы, вооруженные всяким дрекольем, а за их спинами стояли с винтовками готовые в любой момент открыть огонь охранники-маньчжуры.

– Эй, ребята! – выкрикнул им из-за двери Вахрамеев. – Шли бы вы дальше в кости играть!

– Выходите и бросайте оружие! – мрачно заявил самый крепкий из бойцов, лишь немногим уступающий в росте самому унтеру, но лет на двадцать моложе.

– Я так понимаю, добром не разойдемся, – вздохнул дядька Игнат и, неожиданно сунув два пальца в рот, свистнул как настоящий соловей-разбойник.

¹⁴ Ходя – презрительная кличка китайцев.

Ответом ему стала длинная пулеметная очередь. Китайцы, почуяв поток свинца над головами, тут же, не сговариваясь, попадали на пропеченную жарким солнцем землю, а немного замешкавшиеся маньчжуры остались без прикрытия. Вслед за этим последовал ментальный удар от Марта, после чего вышедший на порог одаренный без тени улыбки в голосе пообещал:

– Тому, кто попробует выстрелить, руки оторву!

И как бы в подтверждение его слов в ворота ворвался пикап, из окна которого Горыня выставил свой «Томпсон».

– Не стреляй, капитана! – сдавленно выкрикнул предводитель бойцов Золотого клана, отбрасывая в сторону оружие. – Сдаемся!

– На колени, черти! Руки в гору! Захар, прикрывай, – скомандовал дядька Игнат и принялся собирать вражеские винтовки.

– Солить будешь? – ухмыльнулся Горыня.

– Погутаь мне еще, – беззлобно огрызнулся унтер. – Выедем за околицу, выкинем. Нам чужого не нать.

– Так достал бы одни затворы, и вся недолга!

– Так надежней!

Покончив с этим делом, старый абордажник закинул трофеи в кузов и, внимательно посмотрев на пленников, неожиданно предложил:

– А может, им пальцы на руках поотрубить, чтобы больше не озоровали?

– Это уже перебор, дядька Игнат! – ответил Март, слегка удивленный подобной кровожадностью крестного.

– Ну, а чего? Российского подданного похитили, нам оружием грозились. Стоит ли такое спускать?

– Они в нас ни одного выстрела не сделали. Да и не по уставу. Не полагается пленных калечить.

– Это верно, – согласился Вахрамеев, неожиданно хитро подмигнув Марту. «Так это он жути на азиатов нагоняет, а я купился... силен дед. Ну, раз такая пьянка, то надо подыграть...»

– Проучить, конечно, следует, но не так же... – изобразив суровость на лице, нарочито строго заявил Март.

– А ты что скажешь, Виктор?

– Не надо, – покачал головой едва стоящий на ногах парень, которому было совсем не до театральных представлений. – Если б в бою, тогда и башку прострелить не грех, а так, безоружных...

– Больно добрые вы, ребяташки, – покачал головой старый вояка, после чего обернулся к замершим в ужасе бойцам Золотого дома. – Это что же выходит, вот так запросто их отпустим, безо всякого вразумления и наказания? Непорядок.

Некоторое время он смотрел на маньчжуров, грозно насупив косматые брови, пока лицо его не просветлело. Найдя решение, старшина немедленно взялся за его воплощение.

Обернувшись к замершим в ужасе пленникам, он сказал:

– Благодарите господина Колычева, но вдругорядь, гляди мне, не попадайтесь. Тогда уж пальцами не отделаетесь. Я вам совсем другие места отрежу, чтобы более дураки не плодились! И помните, недопески шелудивые, белый царь ко всякому подданному одинаково справедлив и добр. И к русскому, и к корейцу, и даже к маньчжuru.

Пока бывший абордажник проводил «политинформацию», размахивая для пущего понимания текущего момента пудовыми кулаками, один из грузчиков робко, почти украдкой обратился к нему:

– Господина...

– Чего тебе? – рыкнул на него Игнат.

– Прости, гаспадина, а хань?

– Что?

– К хань белая царь тоже добрая?

– Шут с вами, – махнул рукой унтер, уразумев суть вопроса, – даже и к хань, и к чжоу, тьфу ты холера, – ко всем китайцам разом и прочим узкоглазым, кроме японцев, конечно. Вот они нам всем враги. И пока вы меж собой грызетесь как собаки, они вас будут гнобить почему зря.

Встав по стойке смирно, расправив и без того широченные плечи и приосанившись, Вахрамеев выдал во всю мощь своих легких:

– Так, смир-р-на! Слушай мою команду! Шапки долой! Все дружно хором повторяем за мной! Слава державе Российской и государю Александру Николаевичу Романову!

Пленные начали угрюмо и вразнобой выговаривать слова.

– Нет, так не пойдет. Громче и дружнее! Еще раз, ну-ка!

На этот раз, действительно, получилось почти хорошо. Особенно старались работяги-ханьцы.

– Вот так-то лучше, – одобрительно качнул тяжелой головой старый абордажник. – Запомните! Русские и корейцы – ваши друзья и союзники. Воевать надо с японцами – вот кто наш общий враг. А теперь пойте «Боже, царя храни!» и только вздумайте мне перевернуть хоть слово, языки повырываю и зубы вышибу, всю жизнь будете кашами жидкими питаться... Начали, нехристи оканные! – рявкнул старшина, принявшись энергично дирижировать руками и время от времени подсказывая слова.

Убедившись, что все старательно исполняют российский гимн, Игнат удовлетворенно кивнул. Колычев и Ким лишь удивленно переглянулись, слушая, как чисто и даже с душой поют воспитуемые, разве что немного переиначивая мелодию на свой чуть заунывный, восточный лад. Звучало все это диковинно и сюрреалистично.

Когда исполнение завершилось, Вахрамеев для большего эффекта распорядился дать троекратный залп из всех стволов.

– Вот так-то, – подмигнув стоящему рядом Марту, удовлетворенно отметил старшина, довольный результатом разъяснительной работы. – Теперь всем хором на карачках марш в сарай. И чтоб до вечера на улицу носа не казали!

Закрыв пленников под замок, они спешно погрузились в пикап. Разве что Горыня, прежде чем занять место за рулем, деловито пробил ножом колеса грузовика.

– Еще погонятся, – пояснил он свои действия, одновременно включая передачу.

– Это правильно, – хмыкнул унтер, устраиваясь рядом с ним.

– За околицей остановите, – спохватился Март. – Мне мотоцикл забрать надо.

– И моих ребят подхватить, – согласно кивнул Вахрамеев.

– Дядька Игнат, – не выдержал Витька. – А ты зачем так руками размахивал, будто дирижировал?

– Ишь, глазастый, – ухмыльнулся старый вояка. – Это я своим ученикам знак подавал, мол, пора уходить! Все, поехали. Будет еще время языки почесать!

Пока Март вытаскивал из кустов припрятанный до поры «Нортон», а непонятно откуда материализовавшиеся ученики дядьки Игната выбрасывали из кузова отобранные у охранников винтовки, из-за ближайшей сопки вдруг выскочил бот и неторопливо направился в сторону Дальнего.

– Это же разведбот с «Бурана»! – изумился Колычев и вопросительно посмотрел на крестного с Горыней.

– Дык, таперича без поддержки с воздуха никто не воюет, – пожал плечами унтер.

– Выходит, Зимин все знает?

– Работа у него такая, Мартемьян Андреевич! – строго заметил боцман. – Вы езжайте вперед, пожалуйста. А мы потихоньку следом.

Вернувшись домой, Март с удивлением обнаружил, что их коттедж перешел на осадное положение. У ворот стояли часовые из команды «Бурана», еще несколько человек контролировали периметр, а на чердаке явно была устроена огневая точка. Дополнял пейзаж видневшийся из-за дома уже виденный им сегодня разведбот.

– Владимир Васильевич уже дома? – поинтересовался он у командовавшего всем этим гарнизоном Акинфеева.

– Да, и он ждет вас, – сухо отозвался Васенька, после чего оглянулся и уже более привычным тоном пояснил: – Будь осторожен, ибо зол, аки лютая тигра!

– Бог не выдаст, опекун не съест! – обреченно махнул рукой молодой человек. – Так я пойду?

– Лучше подожди своего приятеля. Вдвоем легче получать.

– Нет. Виктору и так сегодня досталось. Пойду сам.

– Ну как знаешь. Только сначала умойся, а то вся физия в пыли.

Впрочем, пока Колычев приводил себя в порядок, появился и пикап, из которого аккуратно выгрузили Кима, которого, судя по всему, немного растрясло дорогой. Так что перед грозным капитаном они все-таки предстали вдвоем. Точнее втроем, если считать Вахрамеева.

– Благодарю за помощь, Игнат Васильевич! – вышел из-за стола Зимин и крепко пожал унтеру руку.

– Да чего там, – смутился тот. – Чай не чужие люди.

– Вот вам за труды, – протянул плотный конверт приватир. – И за риск.

– Не обижайте меня, ваше высокоблагородие! – попробовал отказаться тот. – Я же не за деньги...

– Вы – нет, а ваши бойцы? Берите-берите. Тем более что вам придется объяснять долгое отсутствие.

– Делов-то, – отмахнулся унтер. – Практические занятия, да и вся недолга!

– Я распорядился, чтобы вас накормили и доставили до учебного центра.

– А вот за это благодарствую!

– Теперь вы, молодые люди, – продолжил Зимин, когда Вахрамеев вышел. – И в особенности ты, Виктор.

– Слушаю вас, Владимир Васильевич, – виновато шмыгнул носом Ким.

– Объясни мне, пожалуйста, одну вещь. Ты ведь знал, что мадемуазель Ли – невеста господина Пужэня Айсиньгоро?

– Да. Она ведь сама рассказала нам об этом в тот вечер.

– Так какого же лешего ты поперся к ней на свидание?

– Но ведь она не любит его!

– Нет, ты положительно вгонишь меня своей наивностью в гроб! Какое это имеет значение? Тебе что, девок вокруг мало?

– Она не девка! – возмутился гордый сын корейского народа, после чего добавил мечтательным голосом: – Она такая... такая...

– Что же, любовь – это прекрасное чувство. Но скажи мне по совести. Ты и вправду готов ради своей любви развязать войну с Золотым кланом?

– Войну?

– Да, представь себе! И первой жертвой в этой войне станет Надя.

– Но почему? – изумился Витька.

– А как, ты думаешь, отреагирует на всю эту историю ее отец? Или отец Пужэня князь Цзайфен? Она ведь практически опозорила весь их род!

– Господи Боже, – простонал начавший понимать, что именно он натворил, Ким. – Да ведь ее надо спасать!

– Прекратить истерику! – подпустил металл в голос Зимин. – Тебя самого еле спасли.

В этот момент завибрировал зуммер внутренней связи на столе капитана, вынудив его оставить на время провинившихся юношей.

– У аппарата, – рявкнул в динамик капитан.

– Командир, у нас гости.

– Много?

– Один автомобиль. Легковой. Внутри двое. Водитель и офицер.

– Какой еще офицер?

– Жандарм.

– Час от часу не легче! Пропустить.

Вскоре в кабинет вошел улыбчивый поручик в мундире по адмиралтейству, погоны которого украшал лазоревый кант.

– Здравствуйтесь, господа, – тепло, как давних знакомых, поприветствовал он всех. – Рад видеть вас всех в сборе и добром здравии.

– Простите, с кем имею честь? – не принял его тона Зимин.

– Позвольте отрекомендоваться, – ничуть не смутился холодным приемом офицер. – Шмелев Алексей Николаевич. Контрразведка Третьего воздушного флота.

– Чем обязан?

– Исклyчительно моему глубочайшему почтению к вашей персоне, любезнейший Владимир Васильевич. Давно хотел, так сказать, свести знакомство...

– Господин поручик, извольте выражать свои мысли яснее. У меня много дел!

– К делу так к делу, – покладисто кивнул Шмелев. – Господа, вам известно, что идет война?

– Странный вопрос для людей, уже побывавших в бою. Не находите?

– В таком случае, позвольте полюбопытствовать: что вы творите?!

– В каком смысле?

– Ах, вы не знаете, – лучезарно улыбнулся поручик. – Так я вам расскажу. Вы, милостивые государи, затеяли свою маленькую частную и, очевидно, победоносную на данном этапе войнушку с Золотым кланом в крайне неподходящее время. И что еще хуже, втянули в нее военнослужащих Третьего флота Российской империи.

– Мы обошлись своими силами...

– Не унижайте себя ложью, господин капитан второго ранга! Я прекрасно осведомлен об участии во всей этой истории унтер-офицера Вахрамеева и еще двух курсантов учебного центра. Но что гораздо важнее, очень скоро об этом узнают в штабе. Где, к моему глубочайшему сожалению, к вам далеко не все относятся так же хорошо, как ваш покорный слуга.

– Что вам нужно?

– А вот это деловой разговор! Нам с вами... да-да, не морщитесь, Владимир Васильевич. Именно нам и именно с вами! Так вот, нам необходимо, чтобы этот глупый конфликт немедленно прекратился. С его сиятельством князем Цзайфенем я уже переговорил. Он согласен забыть все это прискорбное происшествие, тем паче что никто из его людей серьезно не пострадал. Вы тоже прекращайте этот балаган. А то чуть ли не баррикады вокруг своего дома воздвигли.

– Хорошо.

– Вот и чудненько! Хотя я не закончил. Еще совершенно необходимо, чтобы ваши... хм... воспитанники вели себя немного скромнее и тише. Иначе об этом придется позаботиться уже нам.

– И как же?

– Да очень просто. Вот возьму и выпишу им сейчас повестки. В запасном полку будет не до фокусов.

– Они еще несовершеннолетние. Особенно Виктор.

– Это вы так думаете. А вот у меня есть сведения, что в метрике Ви Чан Кима, в святом крещении Виктора, закралась досадная ошибка. А вашему подопечному и так скоро восемнадцать стукнет. Это ведь в старые времена только с двадцати одного года призывали. А теперь еще и положение военное... вы меня поняли?

– Более чем!

– Так я могу надеяться на ваше благоразумие, молодые люди? – обернулся к юношам контрразведчик.

– Так точно! – вытянулись они.

– Вот и славно! В таком случае я не стану занимать ваше время и далее.

– Ваше благородие, – дернулся Витька.

– Слушаю вас.

– А вы не знаете, что с Надей?

– Я так полагаю, вы интересуетесь мадемуазель Ли?

– Да.

– Для вашего здоровья будет гораздо лучше, если вы оставите означенную особу в покое.

Что же касается существа вашего вопроса, то, насколько мне известно, отец решил отправить ее учиться в столичный институт. – Поручик бросил взгляд на наручные часы и добавил: – Борт уходит буквально через час. Надеюсь, я удовлетворил ваше любопытство?

– Более чем. Благодарю вас.

– Вот и чудненько. Господин капитан второго ранга, вы не проводите меня?

В первый момент Зимин опешил от подобного предложения, но сразу же сообразил, что контрразведчик хочет сказать ему что-то непредназначенное для других ушей.

– Прошу! – сделал он характерный жест и двинулся вслед за поручиком.

– Владимир Васильевич, – негромко начал тот. – Я слышал, к вам скоро приедет ваш брат?

– Да.

– Может так случиться, что его превосходительство обратиться к вам с одной просьбой.

– С какой?

– Вы все узнаете в свое время... или нет.

– Какого черта вы темните? В конце концов, будет весьма странно, если я откажу в просьбе родному брату!

– Так-то оно так, но уж больно... в общем, если решитесь, дайте нам знать. Немедленно!

Последние слова уже не были похожи на просьбу, и Зимин это прекрасно понял. Как и то, что никакого иного выхода у него, собственно говоря, и нет.

Март устало развалился на диване и хлопнул по колену друга.

– Приземляйся. Отбой боевой тревоги. Все, можно выдохнуть. Как говорится, инцидент исперчен...

– Искерпан, – хмуро поправил Ким.

– Темный ты человек, Витька, это же Маяковский!

– Какой еще Маяковский?

– Владимир Владимирович, поэт-футурист и просто глыбища! – ответил Колычев, с некоторым опозданием сообразивший, что толком и не знает литераторов в этой реальности.

Но, судя по кислому виду друга, русская словесность вообще и поэзия в частности его сейчас интересовали меньше всего.

– Март, я должен ее увидеть. Попрощаться. Все сказать... Будь другом, тут же рядом, давай съездим к ней!? – взмолился влюбленный со всей силой своих чувств.

– Ты уверен?

– На все сто!

– Ладно, так и быть. Но надо подумать, как это сделать...

– О чем речь? – спросил только что вошедший в комнату Зимин.

– Владимир Васильевич, мне очень надо, – сбивчиво заговорил Ким, умоляюще глядя на капитана. – Последний раз. Я вас очень прошу, разрешите нам съездить попрощаться с Надеждой. Она ведь все равно уедет. Ничего уже не станет хуже...

Первым побуждением сурового рейдера было обматерить несчастного влюбленного большим петровским загибом, но тот выглядел так трогательно и искренне, что он не смог ему отказать, а может, вспомнив свою юность, и не захотел.

– Черт с вами, молодые люди, – махнул он рукой.

– Спасибо, – едва не бросился ему на шею Витька.

– А вот это уже лишнее, – отстранился капитан. – Тем более времени у вас не так много, так что поторопитесь.

С этими словами он бросил Марту ключи от своего «паккарда», после чего, как будто стесняясь проявленной доброты, продолжил максимально суровым тоном:

– Очень надеюсь, что в этот раз вы меня не подведете. И самое главное: более нигде не задерживаться и ни в какие истории не влипать. Категорически!

– Так точно! Спасибо. Мы мигом! – вразнобой отвечали ему друзья, после чего опрометью бросились к гаражу.

После начала войны все воздушные пассажирские перевозки на Дальнем Востоке были сразу же отменены. Слишком уж велика была вероятность наткнуться на японский корвет. Единственным исключением оставалась «Звезда Владивостока» – роскошный воздушный пакетбот, снабженный тремя палубами разных классов, собственным рестораном и даже люксовыми каютами со всеми удобствами, совершавший регулярные рейсы между Центральной Россией и ее азиатской окраиной.

И именно на этом, не слишком скоростном, но очень комфортабельном, судне отправлялась в свою новую жизнь Наденька Ли. Сменив осточертевшую ей косу и гимназическую форму на взрослую прическу и модный английский костюм из тонкого дорогого шевиота, добавив, пусть и сдержанных, но весьма дорогих украшений и дамских аксессуаров, она выглядела теперь просто сногшибательно, и сама прекрасно знала об этом. Во всяком случае, все встречные мужчины поглядывали на нее с нескрываемым интересом.

Жаль только, что никто не пришел ее проводить, но, возможно, это и к лучшему. Отец все еще злится, а мачеха никогда ее не любила. Разве что подружки могли бы оценить модную шляпку и сумочку, но она позже непременно сфотографируется и пошлет им карточку. Пусть завидуют...

– Здравствуйте, Надежда, – раздался за спиной знакомый голос.

– Вы? – удивилась девушка, увидев перед собой Марта и Виктора. – Господи, мальчики, как же хорошо, что вы пришли меня проводить!

– Это тебе, – смущаясь, протянул букет из красных роз Ким.

– Спасибо, – мило покраснела барышня.

– Куда летишь? – поинтересовался Март.

– В Петербург. У меня там тетка. Буду учиться в медицинском. Не сразу, конечно, надо сначала гимназию окончить. Но на будущий год – обязательно! Вы себе не представляете, как я об этом мечтала! Сиятельная, блестящая столица. Дворцы, музеи, театры...

Она все щебетала и щебетала, рассказывая о том, как рада оказаться далеко-далеко отсюда, где ее ждет новая, интересная и совершенно замечательная жизнь. Но в какой-то момент даже ей стало неудобно, и она замолчала, заметив, наконец, что Ким как-то похудел и осунулся, а на щеке у него плохо припудренный синяк.

– Уважаемые пассажиры, – раздался хриплый голос из колокола громкоговорителя, – прошу вас проследовать на посадку!

– Мне пора, – вздохнула Надя и, лукаво улыбнувшись, добавила: – Если когда-нибудь появитесь в городе на Неве, можете даже навестить меня. Но только предупреждаю, никаких вваливаний с медведями, шампанским и цыганами без предупреждения! Сначала звонок по телефону, уговоримся на время и место. Потом только обеды, букеты и взгляды горящие.

– Счастливого пути, – улыбнулся в ответ, оценив ее юмор, Колычев.

– Спасибо вам, мальчики, – вдруг вырвалось у Наденьки.

– За что? – удивился Виктор.

– За то, что помогли мне избавиться от Пужэня! И вообще, за все, за все!

С этими словами она подскочила сначала к Киму и чмокнула его в щеку, потом поднялась на цыпочки и проделала то же самое с Мартом и, круто развернувшись, с необычайной грацией и ощутимыми флюидами женственности, торопливо застучала каблукочками по пути к посадочному терминалу.

– Мерлин Монро, епта... А она ничего так, секси... – только и смог хмыкнуть Март, глядя ей вслед.

– Ты что-нибудь понимаешь? – недоуменно спросил Витя, когда предмет его страсти исчез за раздвижными дверями.

– Витя-Витя, – покачал головой его приятель. – Ну что тут непонятного? Девчонка она боевая, но при этом еще и умная. Выходить замуж за младшего сына одного из предводителей маньчжурского клана и сидеть взаперти в четырех стенах ей не улыбалось. Клетка – она клетка и есть, даже золотая. Ты на своей шкуре испытал... Вот и нашла двух лох... лосей, которые не побоялись связаться с Пужэнем и всей его родней.

– Но ее репутация?

– А что репутация? Помолвка расстроена, а это главное. И отец поспешил отправить непутевую дочь туда, где ее никто не знает.

– Тогда получается, она нас использовала? – широко распахнул раскосые глаза Ким.

– Аллилуйя! – усмехнулся Март. – Наконец-то дошло! Не просто использовала, а поимела с особым цинизмом. Нет, что ни говори, а все зло от баб, – убежденно резюмировал он. – Поэтому заклиная тебя всеми буддистскими идолами, перестань быть влюбчивой вороной и займись лучше делом!

– Я не влюбчивый и не ворона. Просто очень впечатлительный. И еще не опытный. Не то что ты. И вообще, ты преувеличиваешь. Надя не такая, она...

– Кх-м... Горбатого могила исправит, – покачал головой Колычев. – Хорошо. Примем твою версию за основу. Тогда вот еще что, импрешинэбл нейчэ¹⁵. По поводу Айсиньгоро. Чтобы иллюзий не было. По факту, из моего и твоего, то есть нашего общего бытового конфликта с маньчжурским княжичем, из банального и понятного соперничества в группе курсантов авиашколы за лидерство ситуация переросла в серьезный замес с перспективой массового кровопролития. Об этом и Зимин тебе толковал. Согласись, никому такого не было нужно. В итоге Пужэнь сам слил данные о том, где тебя держат. С его слов – по просьбе Нади. Но это неточно... Верить хитрому азиату мне и в голову не приходит... Но это такое... вторичное... Еще важнее другое. Я лично думаю, что прихватили тебя по случаю и без согласования с хозяевами. Видимо, старый приказ о твоём захвате и наказании не был отменен, увидели тебя, да еще и с невестой хозяина, взяли тепленьким. А дальше чего делать? Мочить тебя им команды не поступало. Отпустить – потеря лица для «золотых». Пат. Куда ни кинь, всюду клин. Ну и закрыли тебя в клетке с железом на лапах, в воспитательных целях. И стали ждать. Не знаю, был ли слив инфы о тебе через Пужэня организован его старшими, или он действовал полно-

¹⁵ Impressionable nature (англ.) – впечатлительная натура.

стью по своей инициативе, но факт остается. Наш налет и разборка с охраной вышли довольно мирными и, главное, бескровными, и уж точно не насмерть. В итоге и ты наказан, и маньчжуры лица не потеряли, и мы при своем. Даже с прибытком. Могло и по-другому обернуться. Кто знает... Но тут сослагательное наклонение ни к месту. Так что закрыли и забыли. Но бдительности не теряем, и за врагами, а они наши враги теперь, будем присматривать...

Ким слушал внимательно и ни разу не перебил Марта. Ни спорить, ни возражать ему он не стал, приняв все сказанное к сведению. Сейчас он больше всего хотел одного: никогда впредь больше не подводить самых близких ему людей. На душе у Витьки было очень горько.

– Ладно, братишка, садись, – открывая дверь «паккарда», сказал Колычев, – поехали уже к Зимину на разборки. Зуб даю, то, что было – только начало. Отсыплет нам горячих командир по самое не балуйся... И есть за что... Оба накосячили, только в путь...

Когда усталые друзья прикатили домой, в гостиной их снова ждал, куря сигарету, Зимин. Больше никого вокруг не было. Усиления и огневые точки убрали, разведбот ушел на базу. Одним словом, военное положение отменилось, и вокруг вновь воцарился мир. Но вот от самого Владимира Васильевича, как и предвидел Март, по-прежнему ощутимо веяло грозой. И без того расстроенный Витька внутренне сжался, понимая, что громы и молнии сейчас обрушатся на его повинную голову.

– Вот что, милостивые государи, идите-ка сюда и присядьте. Хотя, право ваше, разрешаю стоять. Наш недавний разговор не закончен. От рассуждений о политике и войне пора перейти к разбору конкретных действий. Само по себе, твои, Виктор, прогулки с чужой невестой – это огромный залет. Но то ладно. Мало ли какая дурь у тебя в голове не осела после взбалтывания. А вот то, что ты позволил кучке простецов-аборигенов так запросто повязать одаренного из команды рейдера «Буран», русского, наконец, это уже не залет, это позорище и укор мне, вашему опекуну и командиру. Так что смывать его придется потом и кровью. С этого момента вы на жестком контроле. Обо всех своих действиях и перемещениях докладывать заранее, без разрешения ничего не предпринимать. Ежедневно будете час заниматься с энергосферой и час – энергобоем. Март, ты за это отвечаешь. Учить его с полной самоотдачей, толком!

Я буду подключаться регулярно, проверять. И результаты нужны уже вчера. Так что без раскачки и болтовни. И еще, Виктор, пойдешь в ученики к Игнату Вахрамееву, пусть тебя натаскает толком... Мы с ним о том уже уговорились. Все ясно?

– Так точно, командир! – разом подскочили оба и прогорланили как на плацу перед строгим начальством.

– Свободны. Идите ужинать.

– Легко отделались, – шепнул другу Март, – можно сказать, прошли «на изи»¹⁶.

Его превосходительство Василий Васильевич Зимин нагрянул к младшему брату ближе к вечеру, когда он со своими воспитанниками собирался ужинать. Кухарка, как и прочая немногочисленная прислуга, успела покинуть коттедж, но чай капитан всегда заваривал сам, а с остальным успешно справлялись ребята. Тем более все, что им было нужно – это подать приготовленные блюда да помыть посуду после трапезы. Можно было, конечно, оставить ее до утра, но грязь в этом доме не терпели ни в каком виде.

– Кто бы это мог быть? – удивленно поинтересовался Витька, водружавший на стол соусник, услышав, как совсем рядом затормозили несколько автомобилей.

– Надеюсь, не наши маньчжурские друзья, – вполголоса буркнул Март, но Зимин его все-таки услышал.

– Поверь, Золотому клану сейчас совершенно не до нас, – скривил губы в еле заметной усмешке Владимир Васильевич.

¹⁶ Easy (англ.) – легко (сленг русских геймеров).

Сам хозяин дома не проявил по поводу гостей ни малейшего беспокойства, и через минуту Колычев со стыдом сообразил, в чем тут дело. Его наставник привычно скользнул в «сферу» и уже знал, кто направляется к ним.

– Володька, ты где? – спросил кто-то сочным басом с порога, и через пару секунд в гостиную буквально ввалился самый настоящий генерал.

Седовласый, но еще крепкий мужчина с задорным взглядом из-под кустистых бровей был по-кавалерийски немного кривоног, но двигался при этом мягко и грациозно подобно хищному зверю, втянувшему до поры грозные когти в мягкие подушечки лап. Портрет дополнял обильно украшенный золотым шитьем мундир с эполетами и орденами, шаровары с желтыми лампасами, блестящая лаком португеза с шашкой, эфес которой украшал муаровый темляк с кистью. Папахи, правда, не было, но ее с успехом заменяла фуражка с кокардой. Но, пожалуй, больше всего запомнились Марту роскошные и очень ухоженные, пусть и совершенно белые, «буденновские» усы.

– Здравствуй, Василий Васильевич, – радушно поприветствовал старшего брата капитан. – Благополучно ли добрался?

– А что мне сделается, – хохотнул тот, и они крепко обнялись.

Несмотря на значительную разницу в возрасте и роде занятий, братья Зимины были близки так, как это только может быть между людьми, имеющими одинаковые ценности и взгляды на мир.

– А это, значит, и есть сын Андрея? – остановил взгляд на Марте генерал.

– Так точно, ваше превосходительство! – браво отрапортовал вытянувшийся курсант, после чего зачем-то добавил: – Весьма рад знакомству.

– Видал? – с усмешкой посмотрел на младшего брата атаман. – Хоть картинку для устава с него малюй!

– Субординация – первое дело! – с непроницаемым видом ответил ему Зимин-младший.

– Да ну вас! – махнул рукой на это старый казак и снова повернулся к молодому человеку. – Иди, обнимемся, чай, не чужие!

– Сам виноват, – улыбнулся Владимир. – Вырядился в парадный мундир. Я сам при виде тебя едва по стойке смирно не стал.

– Тебе и положено, – незлобиво пробурчал старший брат, обнимая тем временем Марта. – А хлопчик еще молодой, успеет накозыряться всяким разным.

– А ты, стал быть, побратим Мартемьяна, – дошел черед до Кима.

– Да, то есть так точно, – растерялся не знавший, как себя вести, Витька.

– Еще один служака, – хмыкнул старый казак и протянул молодому человеку руку. – Будем знакомы.

– Виктор.

– Василь Василич меня зовут. Меж своими можно и дядя Вася.

– А ты, в самом деле, почему при параде? – поинтересовался Зимин-младший, выставляя на стол прибор для брата.

– Так это ты у нас птица вольная. А я с самого утра как савраска бегаю, то к наместнику, то в штаб, то еще к какому черту, и перед всеми надо гоголем пройти, иначе за генерала никто не признает. Подумают, что швейцар, благо их у вас тут до хрена, и все в золотом шитье, как придворные!

– Где остановился?

– А пес его знает, как эту гостиницу называют! Ты мне голову дурным не забивай. У меня для такого случая адъютант есть! Артюхов, ты где, чтоб тебя?!

На зов наказного атамана появился молодой казачий офицер с аксельбантом на кителе, а за ним еще денщик, и оба были нагружены какими-то свертками и баулами.

– Куда ставить-то? – смущенно спросил Артюхов.

– А что это?

– Известное дело, что, – пробурчал генерал. – Гостинцы от родни. Балык, окорок медвежий, мед и еще какая-то хреновина, я не заглядывал.

– Да зачем же это?

– А что ты у меня спрашиваешь? Спроси у родителей, если появиться все-таки надумашь. Матушка узнала, куда я еду, так чуть с ума не сошла. Целый день у печи стояла – шаньги пекла!

– Шаньги?

– Ну, ты на них больно-то рот не разевай, дорога была длинная, мои казачки поснедали, а вот все остальное привез честь по чести.

– Право же, не стоило...

– Да ты на стол накрывать думаешь али нет? Если помнишь, у меня все по-казачьи заведено. Где я сел, там и для станичников место найдется!

– Конечно-конечно, зови своих архаровцев, – усмехнулся приватир, после чего обернулся к воспитанникам. – Ребята, тащите стулья, посуду и все, что найдете съедобного и горючего. Сейчас тут станет тесно.

Генерал и впрямь усадил с собой за стол не только адъютанта с ординарцами, но и водителя с конвойными, благо те тоже были забайкальцы. К счастью, в кладовых и погребе капитана нашлось, что выпить и закусить гостям, так что посидели неплохо. Немного даже попели протяжные казачьи песни, после чего его превосходительство, будто спохватившись, скомандовал:

– Чего расселись? Ну-ка всем спать! Завтра дел много.

Утро началось как обычно, разве что завтрак приготовил денщик генерала – разбитной забайкалец Ефимка. Впрочем, вкусы у его превосходительства были довольно плебейские, а потому главным и единственным блюдом оказалась яичница с домашней колбасой.

Однако молодым людям было не до кулинарных изысков, и они, быстро похватав угощение, запили его по-сибирски крепчайшим чаем и умотали на занятия. Точнее, Витьке предстояли занятия, а вот Марту – сдача практических экзаменов. Обучение в летной школе подходило к своему логическому концу. Более того, на всех итоговых аттестациях помимо штатных преподавателей постоянно присутствовали представители Третьего флота, внимательно приглядывающиеся к будущим пилотам.

Зимин-старший тоже не стал задерживаться и умотал в штаб решать какие-то свои проблемы. О его младшем брате и говорить нечего. Ремонт «Бурана» почти завершен, предстояли ходовые испытания, которые капитан никак не мог пропустить.

После занятий Ким скрепя сердце направлялся в учебный центр, где под руководством дядьки Игната занимался рукопашным боем и стрельбой. Иногда к нему присоединялся Колычев, но гораздо чаще бедолаге приходилось отдуваться самому.

– Мне Мартемьяна учить – только портить, – объяснил ему Вахрамеев. – У него дар такой, что особый наставник нужен. А вот из тебя, любезный, я человека сделаю!

– Я тоже стал одаренным, – насупился тяжело дышащий Виктор.

– В эту вашу «сферу» войти сможешь?

– Пока нет.

– Тогда бери винтовку и учись. Прямым коли...

Успешно сдав пилотаж, Март оседлал верный байк и рванул на другой конец огромного аэродрома, где были сосредоточены ремонтные эллинги и мастерские.

Возле одного из таких ангаров сейчас притаился перед ходовыми испытаниями красавец «Буран». Вокруг него еще кое-где суетились техники и мастера, заканчивавшие устранение мелких неполадок, выявившихся во время предварительных испытаний, по традиции, остав-

шейся с морского флота, именовавшихся «швартовыми». Но в целом тяжелый труд подошел к концу, и, если во время ходовых испытаний ничего не случится, изрядно обновленный и похорошевший рейдер вернется в строй.

Но, надо сказать, что помимо вполне естественного желания полюбоваться кораблем, прикоснуться к его обшивке, пройти по палубам и заглянуть в рубку, где он очень скоро займет законное место пилота, имелась у Марта и еще одна задумка.

Правда, для ее выполнения было желательно попасть под максимально благодушное настроение капитана. А что для летчика может быть лучшим моментом, чем первый за долгое время полет на родном корабле?

– Здравия желаю, командир! Курсант Колычев для прохождения службы прибыл. Экзамен сдан на отлично, – подойдя почти уставным шагом к порогу капитанского салона и ловко козырнув, доложил он.

Зимин сидел за столом и листал какие-то документы.

– Поздравляю. Очень вовремя. Когда выдача диплома пилота?

– Послезавтра.

– Отлично, – не проявил особого энтузиазма занятый своими мыслями Зимин.

– Разрешите обратиться? – находясь на борту корвета, Март с самого начала избрал для себя сугубо официальную манеру общения. Как говорится, «дружба дружбой, а служба службой».

– Валяй.

– Как прошли предварительные испытания?

– В целом нормально, – немного оживился рейдер. – Все новое и модернизированное оборудование отработало штатно. Судя по показаниям приборов, максимальная мощность возросла примерно на десять процентов. Так что можно ожидать небольшого прироста скорости.

– Замечательная новость! А на много?

– Об этом говорить пока рано, но узла на три-четыре надеяться можно. Впрочем, – спохватился немного суеверный как все пилоты и моряки капитан, – давай подождем испытаний на мерной линии.

– Конечно, – поспешно согласился Март. – Тем не менее нас можно поздравить.

– Да уж, – вздохнул приватир. – Дело, конечно, сделали большое, но, слава богу, закончили. Если на испытаниях, тыфу-тыфу-тыфу, ничего не произойдет, на третий день буду планировать первый рейс. Заказов и от флота, и от частников хватает. Пора хоть немного подзаработать. Все резервы этот ремонт съел. Остались мы во фраке да с голым задом-с... Да ты заходи. Чего в дверях застрял, присаживайся.

С этими словами наставник сдвинул в сторону кипу бумаг и освободил подопечному место.

– А что это? – проявил заинтересованность курсант.

– Да так. Чертежи и спецификации нового оборудования. Не все, конечно, получилось, что задумывали, но лимиты-с... Смотри-смотри, тебе будет небезынтересно.

Они уже не первый раз обсуждали разные аспекты модернизации и ремонта корвета за последние недели, и Колычев всякий раз удивлял наставника точными и не по годам грамотными суждениями, подчас давая очень толковые советы. Что и неудивительно, учитывая познания попаданца и тот факт, что он старался быть в курсе всех новейших разработок в авиастроении и связанных с ним отраслях.

Вдумчиво просмотрев бумаги, Март, словно продолжая давно начатую дискуссию, принялся последовательно излагать свои аргументы, с прицелом на то, чтобы, наконец, озвучить давно обдуманное и внутренне принятое решение, которое, как он предполагал, могло встретить сопротивление со стороны Зимина.

– Я убежден, что чувствительные РЛС, новые ракетные шахты и бомбовые гидравлические аппараты – это совершенно необходимые средства для усиления корабля. Артиллерия свое постепенно отживает. Управляемых снарядов еще не придумали, а без этого толку в воздушном бою от пушек немного. Так что я уверен, что их место постепенно займут ракеты, способные нести значительное количество взрывчатки и развивать большую скорость. Особенно если удастся управлять ими с помощью радаров.

– Звучит немного фантастически, – пожал плечами капитан.

– А разве не с ракетной атаки началось недавнее нападение японцев? Разве не удалось им нанести тяжелые повреждения нашему флагману и еще нескольким фрегатам?

– Сильно вряд ли они управляли своими воздушными торпедами с помощью радаров.

– Верно. Но это не значит, что подобное невозможно!

– Пожалуй. Но чего ты хочешь добиться?

– Владимир Васильевич. Представьте, пожалуйста, себе корабль, который может атаковать противника в условиях плохой видимости или ночью. Он неприятеля видит, а тот его нет. И в таком случае вырисовывается очень интересная схема ночного эскадренного миноносца-разрушителя-дестроера в составе группы, – дал он английскую кальку, – или одиночного охотника!

– Чудесная перспектива. Но ты не забыл, что мы частные рейдеры, а не военные? И основная наша задача все же доставка грузов. Хотя и нередко сопряженная с определенными опасностями. Ей-богу, существуй подобное вооружение в реальности, я бы первый оснастил им свой корабль. Но не в ущерб, разумеется, его основной функции.

– Это оборудование не займет много места. А если не заниматься им сейчас, можно отстать навсегда!

– С этим не поспоришь, Мартемьян. Древние давно сказали: *Non progredi est regredi*, то есть не идти вперед – значит идти назад. Виды на будущее тобой рисуются просто роскошные. Но повторюсь, ни времени, ни свободных средств сейчас нет. Быть может, тебе обратиться с соответствующим предложением в Технический комитет флота? У меня есть там пара знакомых...

– Я уже думал об этом, – поморщился Март. – Но пока они рассмотрят заявку, пока на проверку идеи выделяют фонды. Пока сделают образец и как следует его испытают, пройдет целая вечность. К тому же, если предложить флоту не голую идею, а реально работающий образец, это ведь будет стоить совсем других денег, не так ли?

– Вот это речь не мальчика, но мужа! – одобрительно воскликнул Зимин, но тут же поморщился. – Но чтобы воплотить твой проект в жизнь, нужны деньги, которых теперь нет. Так что это еще один аргумент в пользу завершения ремонта и выхода на линию.

– Если вы не против, Владимир Васильевич, – решился Колычев. – Я бы вложил в модернизацию «Бурана».

– Ты что, в лотерею выиграл?

– Не совсем. Просто пенсия за все годы вчера упала на счет. Приятно-округлая, как оказалось, сумма. Кроме того, я хочу продать все свои активы: акции и доходные дома. Я понимаю, что сейчас это уже не поможет, но мы подготовим технические требования, потом сделаем заказ, оплатим его и через пару месяцев получим новое оснащение. Установим, и будет у «Бурана» серьезное преимущество над любым противником.

– Вот оно что, – хмыкнул Зимин. – Хочешь войти в долю?

– Почему бы и нет?

– Эх, Мартемьян-Мартемьян, сколько раз за эти годы я испытывал соблазн хотя бы часть, хотя бы на время взять с доверенного счета, куда собирались доходы от твоего наследства? Но Господь не попустил. И ты предлагаешь мне теперь оскоромиться? Нет, не обижайся, но это совершенно исключено. Эти капиталы – твои и только твои. Рейдерство очень опасное

ремесло. Сегодня ты на коне, а завтра разорен. Страховать нас не спешат, а если и берутся, то за риски начисляют совершенно людоедские комиссии. Вот уж кто истый пират и грабитель с большой дороги! Ты и сам помнишь недавние события – страховое покрытие едва обеспечило нам простой ремонт, а двигатели мы смогли получить только за счет «доброты» адмирала Макарова. Так что пусть лучше твои активы пока останутся при тебе. Не спеши. Успеешь.

– Воля ваша, Владимир Васильевич, – уступил Март, поняв, что дальнейшие препирательства бесполезны и последнее слово Зиминым сказано.

Колычев бросил взгляд на старую фотографию, на которой рядом стояли две молодые пары – его родители и Зимин с женой – вместе на палубе воздушного фрегата. Все счастливо и радостно улыбались и уверенно смотрели в будущее. Внезапно Марту пришла в голову мысль, и прежде чем ее хорошенько обдумать, он спросил у своего опекуна:

– Владимир Васильевич, а почему вы вновь не женитесь?

Отставной кавторанг помолчал некоторое время. Перехватив взгляд подопечного, он сделал быстрые выводы и с большой искренностью ответил:

– Не от большой и неразделенной любви, как ты верно подумал. Татьяна Александровна мне давно безразлична. А теперь что ж... Раз обжегшись, на воду дуешь. И верно, не нашлась та самая, с которой точно будешь всегда рядом. Да и жизнь у меня, Марик, последние восемь лет кочевая. Здесь, в Дальнем, я иногда по году не появляюсь. А что это за семья, где муж вечно в отлучках?

– Да, армии солдаты нужны. В армии без солдат абсурд и коррупция, – к месту процитировал классику из «ДМБ» Март.

– Как ты сказал? – расхохотался Зимин. – Вот завернул! Молодец. Все верно. Семья без мужа – повод для измен и уныния. Вот так.

– Понял. Но я ведь тоже буду пилотом и рейдером, выходит, и мне женой обзаводиться не с руки...

– Что, недавний намек генерала про «это, что ли, жених нашей Шурки?» покоя не дает? – хитро усмехнулся опекун. – Не беспокойся, силком под венец никто тащить не станет. Да и Александра – девица очень самостоятельная и даже эмансипэ. Сама не захочет – никто не заставит. Так что тут все будем полюбовно решать.

Март посмотрел на часы. Приближалось время занятий по медицине.

– Владимир Васильевич, мне пора. Разрешите идти?

– Иди уже, курсант... – усмехнувшись, махнул рукой Зимин.

Не один только Витка пахал от зари до зари. Колычеву тоже пришлось впрячься и забыть о недавней веселой жизни. Но поскольку ему был предоставлен выбор, какие именно способности развивать, он, кроме занятий по артефакторике, то есть изучению энергоструктур, неожиданно выбрал еще и медицину. Трудно сказать, что подтолкнуло его к этому решению, история спасения боцмана Горыни или нечто другое, но после недолгих поисков он подыскал себе подходящего наставника.

Собственно говоря, искать особо и не пришлось. Сначала Колычев обратился к Малышеву, но Андрон Николаевич сказался занятым и переадресовал настырного неопита к своему молодому коллеге, лишь недавно выпущенному из ординатуры и отбывающему на Дальнем Востоке ценз.

Звали того Павлом Крыловым, и, как позже выяснилось, тот оказался весьма одаренным целителем. Говорили, что в Петербурге он был ассистентом у самого профессора Преображенского – столичного светила магомедицины, сделавшего немало открытий в вопросах регенерации и омоложения тканей человека. Правда, было не очень ясно, за что такого перспективного кадра «законопатили» на самую дальнюю окраину империи, но Марта этот вопрос не интересовал.

Павел поначалу отнесся к просьбе странного курсанта немного скептически, но, будучи человеком от природы добросовестным, прежде чем окончательно отказать, провел некоторые исследования, и... внезапно загорелся.

– Это феноменально! – взволнованно воскликнул он, просканировав «сферу» Колычева. – Кто бы рассказал, ни за что бы не поверил!

– Доктор, я буду жить? – не скрывая иронии, поинтересовался новый знакомый.

– Шутить изволите? – укоризненно посмотрел на него Крылов. – А между тем ваш случай по-настоящему уникальный! Просто невероятное сочетание способностей, а к ним вдобавок практически неисчерпаемый резерв. Скажите, вы легко входите в «сферу»?

– По-разному бывает, – скромно ответил Март, немедленно продемонстрировав ему свои возможности.

– Господи, – почти простонал эскулап. – Дал же талант тому, кто не в состоянии оценить дар твой!

– Да полно вам, док! – даже немного смутился молодой человек.

– Вам, Мартемьян Андреевич, положительно нельзя прозябать в этой дыре! Немедленно, слышите меня, немедленно надо отправляться в Петербург или хотя бы в Москву, хотя там одни коновалы. Нет, решено, только в Питер. Профессор Преображенский, как только увидит вас, будет в совершеннейшем восторге! Ручаюсь вам за это!

– Это не тот Преображенский, который научил собаку разговаривать? – осторожно пошутил Колычев.

– Что, и сюда дошла эта гнусная сплетня? – пошел пятнами служитель Асклепия. – На самом деле все было совсем не так и вообще...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.